

Татъяна Володина

Сестра Смерти
Часть вторая.
Обрести себя

Татьяна Володина

**Сестра Смерти. Часть
вторая. Обрести себя**

«Издательские решения»

Володина Т.

Сестра Смерти. Часть вторая. Обрести себя / Т. Володина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963050-6

Вся жизнь Лимы Ворониной перевернулась вверх тормашками после знакомства со странной говорящей головой по имени Самад. Сострадание переросло в дружбу, дружба — в любовь, но никто не обещал безоблачного счастья. Помочь Самаду снова стать собой и при этом выжить — вот новая задача, которую ставит перед девушкой жизнь. А смерть бродит где-то рядом, и никто не знает, кого она выберет себе в жертвы следующим. Коллег? Друзей? Родных? Или саму Лиму, свою наречённую сестру?

ISBN 978-5-44-963050-6

© Володина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 22. Лабораторные крысы	6
Глава 23. Фиаско	14
Глава 24. Еще один поклонник	23
Глава 25. Визитеры	32
Глава 26. Захват издательства	41
Глава 27. Мучители и жертвы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сестра Смерти

Часть вторая. Обрести себя

Татьяна Володина

Дизайнер обложки Ярослав Володин

© Татьяна Володина, 2019

© Ярослав Володин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-3050-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-2999-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 22. Лабораторные крысы

В жизни самое большое испытание – не сломаться. При проверке используются самые нечестные, незаконные и унижительные способы.
Х. Хавелок

Алексей смог сделать перерыв только ближе к трем часам пополудни и вышел с чашкой кофе и сигаретой на улицу – не хотелось никого видеть хотя бы несколько минут. Четверка порученных ему парней уже разрослась до десятки: Артур с подчиненными работали несколько дней в авральном режиме, почти не выходя из лаборатории. Это пугало Леднева. Он прекрасно видел, кого именно *возвращает* шеф, и понимал, что готовится что-то большое и нехорошее, слишком уж характерными были парни, они годились только для одного, и это не было вышивание крестиком. При этом Алексей не только выполнял свои обычные обязанности начальника службы безопасности, но и продолжал работать с до конца не пришедшими в себя, ошарашенными людьми, и эти тренировки еще больше утвердили его во мнении, что не зря он так боялся попасть к Артуру на стол. С каждым днем его, казалось, уснувшая совесть заявляла о себе чаще и чаще. И ему не нравилось то, что она говорила.

Понятия добра и зла, чести и бесчестия, верности и предательства в чистом виде встречались ему, пожалуй, только в книгах или кино, в жизни он, особенно в последние годы, оперировал несколько иной терминологией: целесообразность, необходимость, уместность, выгода, стоимость... Он не помнил момента перехода от одной системы ценностей к другой – вероятнее всего, этого момента как такового и не было, происходило все понемногу, постепенно, по капельке. Кто-то называет это взрослением, кто-то – мудростью, для кого-то это измена самому себе, для Алексея же это не было ни тем, ни другим, ни третьим. Он просто вдруг понял, что чаще стал делать то, чего раньше, в молодости, никогда бы себе не позволил, от чего сбежал бы сразу и без лишних слов, а сейчас такие вещи, как шантаж, подкуп, угрозы насилием и само насилие, даже пытки стали для него обычной рутинной работой, которую не оцениваешь, а просто делаешь. И это было страшно, последняя история со случайным убийством парня показала Ледневу, куда он докатился.

И всплыли в его сознании эти старые, почти забытые понятия. И, как любят писать в серьезных, высоко духовных книгах, которых он не брал в руки, пожалуй, еще с Байконура, «устыдился он содеянного, и заплакал, и разорвал на себе одежды, и посыпал голову пеплом, и ушел в пустыню»... Рвать одежды и уходить в пустыню в прямом смысле было, конечно, перебором, но больше обманывать себя мужчина не мог. «Я служу злу, – беззвучно сказал он себе. – Дальше уже катиться некуда. Во что ты превратился, Леднев?» Стало ужасно стыдно перед самим собой, перед давно ушедшей женой и, как ни странно, перед Самадом Хаджи. Вот перед ним было неудобнее всего: Алексей обещал хранить порядок и создавать безопасную среду на доверенной ему базе, а между тем не смог ничего из обещанного, в том числе и самого мужчину от смерти уберечь не смог. Впрочем, в свете событий, случившихся после гибели шефа, смерть была не так уж страшна.

Алексея снова передернуло от страха и отвращения. Несмотря на жару, которая все так же не хотела спадать, сжигала в прах траву и доводила людей до иступления, по его спине пробежали мурашки, словно от мороза, и пальцы рук, державшие горячую чашку, похолодели. Он никак не мог принять и понять того, чем занимался подведомственный ему объект. Это было противоестественно. Нельзя вмешиваться в течение жизни, нельзя по собственному желанию решать, кому жить, кому умереть, а кому после смерти дать еще один шанс ходить по земле. Это не человеческая зона ответственности, слишком коротки у нас пока руки и грязны мысли для таких дел. Вот даже его босс и бывший (это он уже понимал) приятель

Артур был как раз отличным примером этого. Не с его замашками братья за тонкие материи. Ни к чему давать обезьяне в руки ядерную бомбу.

Но что делать?

Он зло сплюнул себе под ноги, вылил на землю остатки кофе – не хотелось уже ни есть, ни пить. Но зато в его сумбурных мыслях появилась как минимум одна толковая, которую ему не терпелось поскорее проверить на практике.

Собрать свою «старую гвардию», с которой он приехал сюда в самом начале создания фирмы, оказалось совсем не сложно: все были на смене, никто не выехал за пределы базы. Придумать повод тоже было проще простого, ведь рабочих мелочей всегда много, и на них уже никто не обращал внимания. Да и парни совсем не удивились, когда он позвал их на пару слов.

– Ребята, я сразу к делу, лишнего времени у нас нет, – начал Алексей. – Меня очень беспокоят наши новые подопечные, из этих, лабораторных.

– Если бы тебя одного, Леонидыч, – поддержал кто-то из ребят. – Явные уголовники, ничего святого, пробу ставить негде.

Леднев кивнул, другие парни тоже одобрительно зашумели.

– Наш дорогой Артур явно что-то замышляет, меня в курс дела не вводит, хотя по логике должен был бы, – продолжил шеф безопасности. – Чует мое сердце, втянут нас в какие-то дела посерьезнее, чем охрана условно фармакологической базы, и одним случайным трупом мы не ограничимся. Есть здесь кто-то, кого радует такая перспектива?

Гул на этот раз стал неодобрительным.

– И что делать? – задал интересующий всех вопрос водитель Максим. – Ни под статью, ни снова под пули мне совсем не хочется. Уверен, парням тоже. – Он кивнул головой в сторону коллег.

Его начальник пожал плечами.

– По-моему, вариантов у нас немного, – сказал он.

– Рвать когти? – предложил кто-то.

Мужчина покачал головой.

– Кто хочет свалить прямо сейчас – делайте это, я помогу деньгами и документами. И вообще чем смогу.

– А кто не хочет? – уточнил Макс. – Тем что делать? Продолжать терпеть этот беспредел и бояться? После того, что этот ненормальный сделал со своим другом, мы как на пороховой бочке живем. Нахрена это все нужно?

– Я задаю себе тот же вопрос, Макс, – кивнул головой Леднев. – Но мне кажется, что, прежде чем все бросить, нужно разобраться, что происходит на самом деле, и помочь навести тут порядок.

– Кому помогать-то? – скептически хмыкнул один из подчиненных. – Самаду Магомедовичу, который ходит по базе то ли блаженный, то ли озабоченный? Это же не он, это похожий на него манекен.

Леднев поморщился. Коллега выразил его собственные мысли как нельзя лучше. То, что было внешне похоже на Самада, Самадом не было. Это было что-то другое, как будто из тела вынули душу и вместо нее поместили... ну скажем, видеокассету с фильмом о том, какими русские видят горцев. Да, это было очень похожее сравнение...

– Нам нужно найти эту чертову голову, – сказал он. – Я не понимаю сути всего, что у них там скрывается за закрытыми дверями боксов, но более чем уверен, что с этой головой связано что-то очень важное. И если мы ее найдем, это может помочь нам разобраться в происходящем и сделать то, за что нам вообще-то платят деньги, – навести порядок.

– Где ж ее найти-то? – вздохнул Макс, бессменный участник практически всех вылазок, посвященных поискам головы Самада. – Не иначе как на балу у Воланда¹, раз больше нигде ее нет.

Парни заржали. Несмотря на общий не слишком высокий уровень образования, «Мастера и Маргариту» читали все или, по крайней мере, что-то слышали.

– Ну, тогда нам край как нужна ведьма, – поддержал шутку один из ребят.

Алексей улыбнулся.

– Ведьма у нас есть. И даже согласна нам помогать.

– Та девчонка, у которой мы обыскивали квартиру? Это все-таки она скрывает голову? – Новость вызвала оживление в рядах личного состава. – Тогда и проблемы нет!

– Не все так просто. У нее нет головы, иначе она бы уже не выдержала и призналась. Какой ей смысл подставиться самой и парня своего подставлять ради незнакомого мужика, да еще и неполного?

– А если он ей денег посулил?

– Голова? Посулила деньги? Олимпия не похожа на такую дуру, чтобы повестись...

Мужчины снова переглянулись в недоумении.

– Тогда что?

Алексей потер переносицу. Как объяснить им свои догадки и выкладки, чтобы они поняли?

– Она единственная, кто знает, что именно искать. Ну, из посторонних, я имею в виду, из тех, кто не работает у нас, – медленно, подбирая слова, пояснил он. – Плюс у нее неплохо развита интуиция, и это тоже в нашем случае не последний по значимости факт. Она поможет, уже помогает.

Поговорили еще немного, обсудили план дальнейших действий и сошлись на том, что помочь Самаду, каким и в каком обличье бы он ни был, – их долг. С души Алексея упал пусть небольшой, но все-таки один лишний камень. И даже чашка кофе, которую он налил себе после беседы с приятелями, показалась намного вкуснее предыдущей.

Артур Винс полулежал в кресле за столом в своем рабочем кабинете. Пришлось сделать перерыв в работе и на пару часов покинуть лабораторию, дав персоналу время навести там порядок и отдохнуть. Мужчину грызло изнутри ощущение неудовлетворенности, азарта, злости и вместе с тем четкое понимание того, что он тратит время попусту. Хотелось поскорее вернуться к экспериментам, добиться нужного ему результата, потому что сроки действительно поджимали. Да ладно, какое там поджимали – нещадно жали, как бинты на ногах древнеки-тайской принцессы. Нужно было работать, но люди уже просто не могли продолжать, слишком долго он не давал им перерыва, все гнал, гнал, словно их преследовали все демоны ада. Впрочем, почти так и было на самом деле. От успеха или неуспеха экспериментов зависело все его будущее, включая саму жизнь. Так что он подгонял и свой персонал, и самого себя, не делая поблажек никому.

Опыты никак не хотели давать нужные Артуру результаты. Создание квазиживых голов, которое он по глупости посчитал удачей, оказалось не так интересно, как думалось на стадии теоретической разработки. Голова с помещенной в нее душой по плану должна была выступать в роли некоего «пульта», с помощью которого можно было управлять *возвращенцем* – а по сути всего лишь биороботом, ходячим телом без души, с частичной памятью, набором рефлексов и каких-то желаний – не слишком высоких и интеллектуальных. Человек, у кого находилась голова, мог диктовать «телу» свою волю, и тот не в силах был ослушаться ни под каким предло-

¹ Макс ссылается на момент из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда голову погибшего Берлиоза похищают, чтобы принести на бал к Сатане в доказательство его существования.

гом. Так что при желании и должных объемах работ получалась вполне реальная армия, с которой можно было двигаться к более крупным целям – хоть к организации небольшой революции в какой-нибудь банановой республике, хоть к захвату власти над миром. Такие солдаты были недалекоими, но сильными и исполнительными, большего от них не требовалось. А если сделать их из *возвращенных* солдат, наемников, даже «быков», на худой конец, то и учить их дополнительно практически не нужно – память тела не потеряет навыков ведения боя, нужно только немножко напомнить.

Однако по большей части успешные опыты с головами «быков», которых он сейчас использовал как материал, в обход своих дагестанских инвесторов, показали, что для размещения «пультов» нужно много места, времени и людей, чтобы за ними ухаживать. У них так же, как и у «целых» людей, росла щетина, которую нужно хотя бы иногда брить. Волосы салились, и их нужно было мыть. Хорошо хоть, что стрижки были короткими, а потому на причесывание тратить время не приходилось. Так же, как у обычных людей, у голов пахло изо рта по утрам, и без зубной щетки тут было не обойтись. Кормить их, к счастью, было не нужно, но пили они, как кони, почти что ведрами. Куда девалась выпитая жидкость, не понимал даже сам Артур, а уж его младшие сотрудники и подавно. Кроме того, лаборанты, приставленные к головам, почти ни в чем участвовать больше не могли, но так нерационально тратить человеческие ресурсы Артур не мог себе позволить. Лишних у него попросту не было, и тогда он решил отказаться от использования голов.

Пришлось еще раз проверить методику *возвращения*, которую они с Самадом разработали как основную. Ту самую, опыты по которой проводил лично Хаджи, а Винс участвовал в качестве ассистента, но по сути – всего лишь наблюдателя. Ту, из которой после и выросла методика создания голов-«пультов». Парни поднимались и вели себя, как и должны были по теории, – многого не помнили, хотели спать, страдали раскоординацией и прочими неприятными симптомами. Потом потихоньку приходили в себя и были уже вполне живыми.

Только одно тревожило Артура: они не хотели подчиняться тому, кто вернул их с того света. И даже измененная формула, построенная на базе вычислений Самада Хаджи, не смогла заставить их это делать, хотя должна была. Мужчина понимал, что погорячился в свое время, что без друга никак не справляется с этим сложным ритуалом, что его собственных познаний в области биологии, биофизики, даже метафизики тут явно недостаточно. Разумеется, признаться в этом своим покровителям он никак не мог, поскольку даже самому запущенному воспитаннику спецшколы для умственно отсталых детей было бы ясно, что его просто уберут и зачистят лабораторию – хотя бы просто чтобы насолить Султанову и его компании, по принципу «так не достанься же ты никому». С другой стороны, если бы Султанов узнал о том, что Артур продался их злейшим конкурентам и идейным противникам, наверное, сам, лично его закопал бы. Очень сложно было скрывать от него все это время, что сын его приятеля сейчас находится в этом странном двояком состоянии одновременно существующих независимо друг от друга головы и тела. Артур понимал, что долго выдерживать это положение не сможет, что нужно поскорее разобраться с формулой и начать создавать солдат на потоке, но до сих пор все никак не мог понять, как именно нужно изменить формулу, чтобы добиться желаемого результата.

Наверное, на это вопрос мог бы ответить Самад, один из первых, на ком Винс опробовал эту методику, но голова его находилась в каком-то до сих пор не обнаруженном месте, а «тело», которое все-таки удалось найти и вернуть на базу, чтобы было под рукой и не натворило чего-нибудь, ничего вразумительного сказать не могло – на то оно было и тело.

– Ну ты хоть что-нибудь помнишь из своих выкладок? – в который раз спрашивал Артур, едва сохраняя свое хваленое самообладание. – Схемы, формулы – хоть какую-то малость?

– Ничего я не помню, – сверкая зубами в улыбке, отвечал *возвращенец*. – Из того, о чем ты меня спрашиваешь, – ничего. Помню, как скакать на лошади. Еще помню, как кинжал для

тебя, сволочи, делал. Помню красивых студенток из своего последнего класса – хоть и дурочки были почти все, но на лекции ко мне ходили регулярно, ни одной не пропустили.

Артур морщился. *Возвращенец* не был похож на того Самада, которого он знал все эти долгие годы и которого по-своему любил. Это был кто-то другой. То ли все-таки Самад, но «недоделанный», то ли с чьими-то чужими мозгами, то ли вообще абсолютно другая личность. Артур не мог разобраться во всех тонкостях, такие вопросы как раз находились в ведении друга, но где он был теперь, этот друг? Где эта чертова голова? Он перерыл городишко, в котором они нашли себе приют, но обнаружить ее не смог. Что делать-то? Оставалась еще девчонка, та самая, единственная, которая видела ее. Точно видела, подробности были слишком реалистичными, придумать такого она не могла. Сколько ее не трясли Лёхины люди, ничего добиться не удалось. Скорее всего, она действительно была ни при чем, но ведь никто больше ничего не знал. Что оставалось? А если спросить о девушке этого недоСамада? Вдруг она видела не только голову, но и тело? А тело, соответственно, могло знать что-то о ней.

Артур потянулся к внутреннему телефону, набрал несколько цифр.

– Самад, ты свободен? Зайди ко мне.

– Тебе надо – ты и иди, – нагло, лениво растягивая слова, ответил парень. – Мне и тут хорошо.

– Самад, не беси меня, – с едва заметной угрозой попросил Артур, – раз я зову, значит, надо подойти.

– Я все тебе сказал. – И положил трубку, нахал.

Блондин со злостью ударил ладонями по столу, так сильно, что они заболели. Нет, будучи живым и целым, Хаджи никогда себе такого не позволял, был очень вежливым, воспитанным, хоть и проявлял свой горский темперамент, но не в таких формах и количествах. Что с ним делать теперь, вообще было непонятно, тем более что после прочитанной над ним формулы он никак не должен был так себя вести. Напротив, специально подобранные звуки, прочитанные в процессе *возвращения*, должны были сделать его восприимчивым к просьбам, приказам и прочим пожеланиям Артура. Однако что-то, судя по всему, пошло не так. Понять бы все-таки, что именно.

«Стоп. Куда-то меня не туда повело, – поймал себя на мысли мужчина. – Я же хотел про девчонку спросить. Надо идти, никуда не денешься».

Брюнет валялся на кушетке в своем кабинете и потягивал из высокого запотевшего стакана какой-то прозрачный напиток. Не алкогольный, разумеется, – Хаджи не любил алкоголя, – но глаза у него были, как у пьяницы, – блестящие, нездоровые, почти стеклянные.

– Самад, расскажи мне про девушку, – сразу, с порога, потребовал Артур. – Ты был у нее? Она что-то знает про твою голову?

– Какая девушка? – лениво отозвался *возвращенец*. – Я не помню, чтобы у меня были девушки.

Блондину потребовалось несколько секунд, чтобы удержать лицо в пределах допустимого. Определенно, этот парень бесил его уже далеко за гранью разумного.

– Расскажи мне про эту девушку с необычным именем, Самад, – терпеливо повторил он. – Олимпиада, что ли... Или нет, Олимпия, кажется... Точно, Олимпия.

Артур внимательно следил за бывшим другом. От его взгляда не укрылось, как вздрогнул тот при упоминании имени девушки. Ага, значит, все-таки что-то такое было? Надо давить дальше?

– Я понимаю, ты не все помнишь. Но девушку-то ты должен помнить. Ты у нее был все эти дни, пока ребята искали тебя в твоей квартире, да?

Самад перевернулся с бока на живот, сделал несколько больших глотков из стакана.

– Я ж сказал тебе, не знаю я никакой девушки, – повторил Самад. – Ни с нормальным именем, ни с ненормальным. Я вообще не помню девушек, кроме студенток, я тебе уже говорил.

И такое спокойное, уверенное лицо было у него при этом, что Артур бы, наверное, поверил бы, если бы не видел мелких спазмов в его теле при упоминании девчонки. Она точно в теме, в этом он был теперь уверен. И других доказательств ему больше не было нужно.

– Ладно, черт с тобой, – бросил он, позволив лицу выразить неудовольствие. – Не помнишь – так не помнишь. У тебя еще есть время.

Он вышел и аккуратно закрыл за собой дверь, потом подошел к висящему на стене коридора телефону, набрал еще один номер и коротко приказал:

– Вызови Рыжего ко мне в кабинет. Немедленно. Есть задание.

Без малого неделю после возвращения Лимы из Москвы Самад почти не разговаривал с ней. Все-таки выполнив ее просьбу, он вернулся в ее квартиру, но в общении отделивался лишь короткими репликами, даже когда просил ее о чем-то. Девушка, поначалу обрадовавшаяся тому, что с ним все в порядке, что он не попал в руки бывшего друга, не пострадал, не погиб, в конце концов, через несколько дней тоже стала впадать в хандру и меланхолию. На ее попытки наладить контакт, снова вернуть уже, как ей казалось, успевшую зародиться близость, он отвечал обжигающим холодом, резкими словами, высокомерным тоном и иногда даже злыми шутками в ее адрес. Она просто не узнавала самоуверенного, вспыльчивого, но доброго и отходчивого Самада первых дней. Он словно возненавидел ее и не хотел общаться больше, чем было необходимо.

Понимая, что не все даже в их отношениях зависит от нее, Лима загрустила и отпустила ситуацию, оставив попытки сократить дистанцию между ними хотя бы на пару шагов. Вместо этого она продолжала прощупывать Леднева, выясняя, насколько они могут верить ему, и ездила с ним каждый вечер по местам, где могла бы, как думал Алексей, оказаться голова Самада. Разумеется, результаты были нулевыми, и мужчина тоже мрачнел день ото дня. Но он все-таки добился того, что Лима, помучившись и посоветовавшись с Виктором, решила признаться ему, что все это время знала о местоположении так желанной для всех головы Профессора Хаджи. Правда, время и место для этого она пока так и не выбрала, малодушно отложив на потом.

Ей не хватало сил. Всегда веселая, оптимистично настроенная, легкая в работе и общении, она физически ощущала, что стала совсем другой буквально за несколько дней. С той самой злосчастной командировки все пошло наперекосяк не только в ее отношениях с Самадом, но и, кажется, в базовых основах ее физиологии. На работе приходилось записывать не только какие-то ключевые вопросы, а абсолютно все, иначе она забывала. И спать, ей постоянно хотелось спать. Она стала пить сладкий кофе литрами, иначе рисковала уснуть прямо за проверкой счетов или составлением сводных таблиц. Несмотря на то что девушка и раньше частенько мало спала по ночам, такого состояния тотального коматоза у нее не было никогда. За всю неделю Лима ни разу не вышла никуда «в свет», отказалась от всех приглашений друзей. Она возвращалась домой после «дежурных» поездок с Алексеем, ухаживала за колючим, словно дикобраз, Самадом, легко ужинала, падала на диван, успевала прочесть пару страниц книги и засыпала прямо с ней. А утром с большим трудом поднимала себя с постели и заставляла куда-то идти.

– Это не я, – говорила она себе. – Не знаю кто, но точно не я. Кажется, я осталась в Москве, меня подменили и прислали что-то другое, вялое и полуживое. Узнать бы еще, какая скотина это сделала, ноги бы повырывала.

Но шутки шутками, а состояние было совершенно неадекватное. И зреющий нарыв должен был в один прекрасный день прорваться.

В пятницу она пришла домой поздно, так как пришлось задержаться на работе. Сдавали тираж в типографию, что-то опять не клеилось, доводили проблемные моменты буквально на коленке. Компьютеры, телефоны и факсы в издательстве, казалось, раскалились добела и вот-вот вспыхнут. Люди были примерно в том же состоянии, хоть и успели за много лет привыкнуть к подобному стилю работы. Соответственно, когда все закончилось, Лима ощущала себя кокосовым орехом, который не только раскололи, выпили сок и соскребли изнутри стружку, так еще и сверху ободрали, забрав всю койру² для наполнения матрасов, – словом, одна тонкая скорлупка только и осталась. Будучи уверенной, что вернется домой именно такой, она заранее попросила Виктора забежать к ней после службы и провести Самада, а заодно напоить его и немного пообщаться – хотя бы так, как сможет. Девушка видела, что отсутствие нормального общения делает Профессора еще мрачнее и депрессивнее, а тут он еще и с ней не общался, так что жить с ним под одной крышей было уже просто невозможно.

Она совсем не ожидала, что в ее квартире опять будет аншлаг.

Дверь была взломана. Снова. С ужасом хозяйка шагнула за порог, боясь даже подумать, что ее может там ждать. Коридор был в беспорядке, на полу лицом вниз лежало трое незнакомых парней откровенно бандитского вида, еще двое «отдыхали» в тех же позах в кухне. Все были связаны подручными материалами. И над этой прекрасной картиной коршунами возвышались Виктор и Иван, а где-то за их спинами, на холодильнике, маячил непривычно возбужденный Самад.

– И что это опять за твою мать? – обреченно спросила Лима. Не иначе как от шока, в голове ее крутилась только одна глупая мысль: это же опять замки менять нужно, Витю просить уже неудобно...

– Молодые люди немножко попутались, – прокомментировал Панов, прикладывая заметные усилия, чтобы не пнуть ближайшего к себе нежданного гостя. – Ворвались, начали вещи выбрасывать, беспорядок наводить – похоже, что-то искали. Но вот что, – добавил он, все-таки не выдержав и поддавшись своему желанию, – этого они нам рассказывать не хотят.

– А мы очень хотим узнать, какого хрена к тебе опять врываются, – с кровожадным выражением лица закончил Иван.

Лима ужаснулась всему и сразу. И очередному нашествию парней Артура – это были, без сомнения, именно они. И в который раз учиненному в ее квартире беспорядку. И тому, что головы Самада, которую все так искали, по-прежнему никто, кроме нее, не видел. И тому, что кошмар в ее жизни, похоже, никогда не закончится. А еще тому, каким злым и жестким стал после *возвращения* ее красивый, легкий и иногда чуть глуповатый, но одновременно очень добрый Иван. Артура теперь хотелось не просто побить, его убить хотелось, поняла девушка. И ужаснулась заодно еще и этому.

От страха и гнева ее тело вновь пробила неудержимая дрожь.

– Да когда ж эти люди наконец оставят меня в покое? – воскликнула она. – Никаких же уже сил нет! Ну как на работу ко мне ходят – то одни, то другие, то третьи... Как же вы меня все достали!!!

Она, продолжая ужасаться, изо всех сил пнула ногой по ребрам одного из лежавших, да так сильно, что ее мужчины, как по команде, подлетели к ней и подхватили под руки с двух сторон.

– Лимка, ты чего? – заорал Панов. – Успокойся немедленно, ты его так убьешь или покалечишь. Тебе что, в тюрьму захотелось?

² Кокосовая койра – длинные древесиноподобные волокна из межплодника кокосовой пальмы, расположенные между его внешней оболочкой и привычной всем скорлупой ореха. Используется в производстве матрасов для придания им твердости.

Девушка обвела царящий вокруг беспредел мутным взглядом, зацепилась глазами за удивленные глаза своего «бестелесного» друга и изменившимся, низким, страшным голосом сказала:

– Как мне это все надоело! Такое ощущение, что мы находимся где-то в стеклянном аквариуме, и кто-то невидимый и большой ставит на нас опыты, как на лабораторных крысах. То один геморрой подкинет, то другой. И смотрит, наблюдает, записывает, как мы будем реагировать, выживем ли, оставим ли потомство... Нет уж, хватит с меня этих игр!

Парни отпустили ее руки и с не меньшим ужасом смотрели на подругу, ожидая, что будет дальше.

– Я больше никого покрывать не буду. И сама решать не касающиеся меня проблемы – тоже. Пусть этим занимаются специально обученные люди. Парни, – обратилась она к Виктору и Ивану, – наблюдайте за ними. А я пойду к соседям и вызову милицию.

– Ну наконец-то! – выдохнул Панов, и на лице его расцвела одобрительная улыбка. Самад со своего насеста на холодильнике только удивленно хлопал ресницами.

Глава 23. Фиаско

Примите тот факт, что иногда вы голубь, а иногда и статуя.
Д. Брансон

Наряд милиции прибыл на удивление быстро, Лима даже не успела толком соскучиться. Напротив, все это время она едва удерживалась, чтобы не начать пинать поверженных врагов ногами, и, если бы блюстители порядка где-то задержались, кто знает, долго ли она смогла бы противиться своему нездоровому желанию. Когда в домофон позвонили, девушка впустила патрульных в подъезд, а Виктор, для профилактики треснувший по макушке одного из обезвреженных нападавших, вышел коллегам навстречу.

– Пусть лучше сначала они увидят меня. Покажу удостоверение, объясню ситуацию, а то мало ли что... – объяснил он друзьям свое решение. – Не хотелось бы, чтобы за преступников приняли нас.

Лима понимала его: в существующей мизансцене без подготовки сложно было понять, кто преступник, а кто жертва, – а потому только обрадовалась тому, что Панов такой активный, предприимчивый и сообразительный. Сама она до такого нипочем не додумалась бы.

Несколько минут спустя трое здоровых мордатых парней в форме шагнули в квартиру и с интересом уставились на необычный «коврик» в коридоре, а когда увидели его продолжение еще и в кухне, заулыбались, переглядываясь. Они ожидали этого. Следующий за ними Виктор справился с задачей, успев подготовить патрульных к тому, что они должны были увидеть. Но Лима понимала, что разговаривать с милиционерами все равно придется ей, она же была хозяйкой квартиры. Неожиданно накатило ощущение нереальности, погружения в очередной кошмарный сон. Земля словно уплыла из-под ног. Тем не менее, ей удалось внятно и четко изложить факты, почти не дрожа внешне, хотя внутри нее то и дело поднималась паника. Старший группы – если Лима правильно могла определить, старший сержант – покачал головой и сказал, обращаясь к коллегам:

– Надо везти всю эту банду в отдел, пусть ими занимаются те, кому положено. Только вот всех не разместим. Сань, – приказал он одному из них, – вызови по рации, кто там из наших поблизости, пусть помогут.

Тот кивнул и ушел к машине. Старший обратился к присутствующим:

– Вы слышали, надо ехать в отдел. Напишите заявление, дадите показания. Документы у всех с собой?

Панов пожал плечами – свои он сегодня уже показывал. Лима кивнула и быстро сбегала в комнату за паспортом. Иван только пожал плечами:

– Я шел в гости к подруге, паспорта не брал. Не думал, что понадобится. Но могу принести, я живу в этом же подъезде.

– Принесите, – благодушно согласился мужчина, с интересом изучая документ Виктора, и сделал знак коллеге: – Сходи с товарищем, чтобы не заблудился.

Иван в сопровождении милиционера ушел за паспортом. Почти сразу же вернулся ушедший ранее Саня и сообщил, что минут через пять подъедет еще один экипаж и поможет перевезти подозреваемых. Валяющиеся на полу парни стали подавать голос, но их никто слушать не хотел. Патрульным было ни к чему, не их головная боль. Лима прекрасно видела, как хочется им быстрее разделаться со всем этим и поехать себе дальше.

Когда вернулись Иван с сопровождающим, следом за ними в квартиру вошла пожилая соседка Лимы, Антонина Ивановна, с которой у девушки были теплые отношения и к которой она постоянно бегала звонить по телефону. Женщина причитала на ходу, то и дело всплескивая гладкими полными руками:

– Лимочка, деточка, да что ж опять тут у тебя такое творится?

Патрульные переглянулись.

– С этого места подробнее, пожалуйста, – принимая из рук Ивана паспорт, попросил старший.

Лима вздохнула.

– Это не первый раз, когда ко мне в квартиру врываются и устраивают погром.

Милиционеры переглянулись. В их глазах желание поскорее сдать этих загадочных людей кому-то из дежурных оперов в отделении читалась легко и без усилий.

– Офигенно, – сказал старший сержант. – Только этого нам еще и не хватало. Чего ж Вы раньше нас не вызывали, девушка?

Лима пожала плечами.

– Понятно, – кивнул мужчина. – Значит, Вы что-то знаете о том, кто эти люди и чего им от Вас надо.

– Ничего я не знаю! – огрызнулась она. – Я хочу жить спокойно и чтобы всякая шушера не лезла ко мне в дом.

Мужчина скептически посмотрел на нее, но ничего не ответил. Пенсионерка подошла к девушке и обняла, неодобрительно посмотрев на патрульного.

– Значит, так, – решил тот. – Мы едем в отдел, и по пути Вы как следует подумайте о том, что будете рассказывать нашим операм.

Пенсионерка ахнула, прикрыла рот пухлой ладошкой.

– Как же так? Девочку-то в милицию за что? – запричитала она.

– Гражданочка, Вы только не волнуйтесь, – изобразил улыбку милиционер, – девочку Вашу никто не обидит. – Он снова обратился к Лиме: – Постарайтесь вспомнить, когда к Вам уже врвались, что Вы видели, что слышали, кто это мог быть и что искать. Чем больше Вы расскажете, тем лучше Вам смогут помочь.

Лима, обнимая соседку в ответ, окинула взглядом квартиру, куда могла дотянуться. Самада в пределах видимости не было – наверное, перенесся от греха подальше куда-то, где его точно не могли заметить даже случайно. Или в комнату, или на балкон, а может, к себе в квартиру или к Ване. Хотя, зная это любопытное существо, можно было предположить, что он вряд ли забрался бы куда-то далеко, так что, скорее всего, он все-таки был в комнате.

В квартиру вошли еще двое милиционеров, за руку поздоровались с коллегами, узнали Панова.

– А ты что тут делаешь, Вить? Это же не твой район?

Тот пожал плечами, указал на вяло дергающихся парней на полу:

– Да вот, помогал обезвреживать этих красавцев. Ворвались в квартиру к моей подруге, явно не на чай и без цветов.

Лима поймала на себе изменившиеся, заинтересованные взгляды мужчин в форме, услышала произнесенное шепотом: «Твоя девушка?» Виктор улыбнулся, покачал головой и так же тихо ответил: «Нет, близкая подруга детства».

Старший сержант махнул рукой:

– Давайте забирать клиентов. А Вас бы как доставить? – спросил он Лиму.

Виктор ответил за нее:

– Я на машине, мы поедем следом за вами. Вот только квартиру открытой оставлять не хочется.

Антонина Ивановна громко и уверенно сказала:

– Я могу покараулить. Лимочка, тебе не нужно переживать, я никого сюда не впущу.

Женщина изобразила на лице готовность и жажду деятельности. Лима благодарно кивнула соседке. Милиционер удовлетворенно хмыкнул.

– Хорошо. Тогда оставайтесь в квартире, пока девушка не вернется, закройте и никого не пускайте.

– Да, Антонина Ивановна, это такое одолжение с Вашей стороны, – присоединилась Лима. – Но Вам тут ничто не угрожает. Замки не работают, но Вы можете закрыться на засов – и точно никто не войдет, даже я.

Пенсионерка энергично закивала. Сотрудники милиции по одному выводили пытающихся огрызаться парней, все так же совершенно не обращая внимания на то, что те хотели сказать.

Лима, Виктор и Иван вернулись домой только утром. Написание заявления, общение с раздражительными сотрудниками, проверка и перепроверка их показаний, ответы на вопросы, иногда довольно каверзные – все это после утомительного трудового дня оказалось крайне сложным. Даже то, что Виктор сам был милиционером и знал, как нужно разговаривать с коллегами, не слишком-то облегчило всем им задачу. Лима едва не падала от усталости. Ей постоянно приходилось держать в голове, что можно говорить, чего нельзя. К счастью, по дороге в отдел они с Виктором и Иваном условились, что именно будут говорить, и разночтений в их показаниях не было, хотя их и пытались поймать на каких-нибудь нестыковках. Нестыковок не оказалось.

Однако часам к трем утра, когда они были уверены, что скоро смогут поехать домой, в кабинет, где вот уже несколько часов продолжалась то ли беседа, то ли опрос, то ли уже допрос, вломился еще один оперуполномоченный – тоже возбужденный и взъерошенный, с красными от недосыпа глазами. В его руках была стопка свежераспечатанных, но уже помятых по пути листов: похоже, что он очень торопился принести их. Мужчина быстро протянул свою ношу худощавому старшему лейтенанту, который вел опрос. Тот был знакомым Виктора, но это ничего не меняло.

– Это еще что? – поинтересовался он.

– А ты посмотри внимательнее.

Старший лейтенант бегло просмотрел распечатки, изменился в лице, потом еще раз стал читать, уже более вдумчиво. Виктор с Лимой переглянулись, Иван просто смотрел на офицера и не отводил от него пристального взгляда. Никто из них не понимал, что происходит.

– А скажите мне, Олимпия Юрьевна, как давно Вы знакомы с этими молодыми людьми? – задал он неожиданный вопрос.

– С которыми? – уточнила она и непонимающе уставилась на него

– С теми, которые взломали замки Вашей квартиры. – В голосе милиционера уже явно слышалось не только раздражение, но и недоверие.

Девушка пожала плечами. Она несколько раз уже говорила, что эти люди ей не знакомы. Неужели придется по тысячному разу повторять все снова?

– Я не знаю их.

– Вы уверены?

– Абсолютно. – И тут же, не удержавшись, зевнула.

– Слушай, Володь, ну объясни ты наконец, что ты от Лимы хочешь? Мы же уже сто раз тебе все рассказали! – вмешался Панов.

– А то, – повысил голос мужчина, – что ваши «друзья» числятся в розыске. Слышишь, Вить, в розыске, причем не абы каком, а всероссийском! Их подозревают в убийствах, грабежах, мошенничестве и бандитских налетах.

Если бы не сидела, Лима бы точно упала, в этом она не сомневалась. Потрясение было такой силы, что казалось, вышибло из нее дух. Нет, она, конечно, понимала, что не мальчики из церковного хора ворвались к ней в дом и не сيامские котята, но чтобы все было настолько плохо!.. Страшно было даже подумать, что эти люди могли с ней сделать... Хотя Леднев в свое

время тоже грозился ее пытаться. Вот только смог бы? Эти-то точно смогли бы. Ой, мамочка, когда же это все закончится?

– И при чем тут я? – осторожно, неуверенно спросила девушка.

– Я хотел спросить Вас о том же, – кивнул старший лейтенант и как-то нехорошо улыбнулся, уголком рта, с прищуром глядя на нее. – Вы обычная среднестатистическая девушка, как пытались меня убедить, живете тихой размеренной жизнью, так с какого перепугу к Вам вдруг вламываются такие отморозки? Хотите сказать, случайно?

Лима потерла руками ноющие виски. Ей очень хотелось домой, на диванчик, выключить звонок и домофон, и чтобы хотя бы сутки ее никто не трогал.

– Я уже рассказывала Вам эту совершенно бредовую историю про какую-то потерянную голову, – устало сказала она, даже не пытаясь скрыть написанные на лице эмоции: страха, растерянности, недоумения. – Я подозреваю, что это может быть как-то связано с бандитскими разборками или боевыми действиями на Кавказе, у нас же не отрезают головы врагам или конкурентам.

– А Вы откуда знаете, как оно бывает «у нас»? – осведомился оперуполномоченный. – Вы же сказали, что ни с чем таким не связаны.

– Да не связана я! Вы меня видите вообще? Я похожа на боевика? Или на исламского террориста?

Мужчина смотрел на нее этим своим пронизывающим взглядом, чуть прищурив глаза и склонив голову набок, и Лима вдруг почувствовала, что он ей верит, но почему-то не хочет показывать этого. Похоже, ее реакции и поведение вполне вписывались в концепцию того, что обычная девушка панически боится всего, что связано с исламскими террористами, войной на Кавказе и прочими ужасами, такими далекими от ее обычной, ничем не примечательной жизни.

В конце концов их отпустили, пообещав на днях еще вызвать для дальнейших уточнений, если всплывут какие-то новые подробности, касающиеся задержанных. Правда, ни Лима, ни Иван, ни Виктор не понимали, как могут помочь в этом случае, но рады были уже тому, что долгая, нескончаемая ночь наконец завершалась и можно было попробовать хоть немного поспать, тем более что оба мужчины должны были еще выйти на работу.

Оказавшись дома, изрядно вымученная троица застала квартиру открытой, соседку спящей сидя в кресле, где обычно спал Самад, а его самого – на подушке Лимы, не сомкнувшим глаз, следившим за женщиной, словно та могла сделать что-то плохое. Почему-то в голове девушки сразу возникло сравнение со сторожевым псом – сильным, умным, верным хозяйке и оттого еще более опасным. Она даже улыбнулась этому образу: она любила собак и уважала верность как у животных, так и у людей. Особенно у людей.

Но Самада подобные параллели оскорбили до глубины души.

«Это я-то собака? – беззвучно воскликнул он, возмущенный и взбешенный. – Ты совсем уже от рук отбилась, женщина?! Ты что себе позволяешь?»

«Отвали, – устало, лениво ответила Лима, которой совсем не хотелось выяснять отношения. – Мы потом с тобой поругаемся, если хочешь. Но не при свидетелях».

Антонину Ивановну осторожно разбудили, в три лица искренне поблагодарили за помощь и с почестями проводили домой, а сами опять собрались на кухне, где сохранивший наибольшее количество сил Иван сварил всем небольшую кастрюлю кофе – туркой тут было не обойтись. Виктор быстро принял душ, понимая, что перед работой домой уже не успевает, и после водных процедур если не чувствовал себя лучше, то хотя бы выглядел посвежевшим. На бодрящий запах даже Самад Магомедович соизволили подтянуться и присоединиться к компании. Теперь ему можно было не бояться и находиться рядом даже тогда, когда в гостях был Иван, – несколько дней назад парню успели все рассказать о *возвращении* и головах, и он

на удивление спокойно воспринял странную историю. Хотя после того как он умер и воскрес, его, наверное, уже сложно было чем-то удивить.

Профессор рвался в бой, его очень задело сравнение с собакой. Он никак не мог успокоиться, и Лима искренне радовалась тому, что никто из присутствующих, кроме нее, его не слышал. Ей было стыдно за его поведение и слова, и она не могла решить, чего же хочет больше: спать или чтобы Хаджи наконец заткнулся. Пожалуй, и того, и другого хотелось одинаково горячо, страстно, непереносимо.

Парни вели диалог, хлебная кофе, как кони, и доедая оставшуюся в холодильнике еду. Бессонная ночь в отделении милиции несколько подточила их силы, и два молодых и сильных организма требовали восполнения затрат. Девушка же вяло цедила свою порцию, щипала кусочек сыра и старалась не упасть носом прямо в чашку.

– ... так что теперь нашим придется хоть немного пошевелиться, – услышала она окончание фразы Виктора.

– Все-таки хорошо, что Лимка написала заявление, – поддержал Иван. – А то это уже ни в какие ворота не лезет. Может, теперь Артур от нее отстанет. – Виктор и Лима, не стовариваясь, хмыкнули, и парень исправился: – Ну, или станет осмотрительнее. Или паузу хотя бы возьмет...

– Ага, возьмет он, как же, – подал голос Самад. – Его это только раззадорит. Вот увидите, еще какую-то подлость придумает.

Лима нехотя передала друзьям его слова, а он между тем продолжал:

– Тебе бы сейчас на какое-то время съехать куда-то, на не известную ему квартиру, где он не сможет тебя найти. Для твоей же безопасности.

Лима недоуменно посмотрела на него. Это что сейчас было? Он опять пытается стать нормальным? Пытается о ней заботиться? Что сдохло в лесу?

– И не надейся, – огрызнулся тот. – Просто тебя, дуру, жалко: если ты пропадешь, как я верну себе тело?

– Сам дурак! – вернула «комплимент» девушка. – Ты вообще уже совесть потерял. Хамишь, грубишь, а продолжаешь жить в моей квартире. И как тебя только родители воспитывали?

– Не смей трогать родителей, женщина! – взревел человек-голова. – Да они...

– Я их не трогаю, – в таком же тоне ответила она. – Это ты их позоришь своим поведением. Или я для тебя уже существо низшего сорта, с которым можно не церемониться? Мало того что женщина, так еще и христианка, и русская...

– Я не позорю родителей!..

– Все, понеслась душа по кочкам... – прокомментировала Лима, приложив холодную ладонь ко лбу. – Как же ты меня достал, Самад Магомедович, слов нет! Был же нормальный мужик, адекватный, умный. Что за хрень с тобой произошла? Ты же совершенно невыносим! Я уже жажду поскорее организовать тебе этот ритуал, чтобы ты опять стал целым и ушел из моей жизни к чертовой матери, чтобы забыть тебя, как страшный сон. Пусть тебя твоя драгоценная Ширин терпит, ей по вере и статусу положено, а мне – нет! Я тебе не невеста! И хорошо! Дернул же меня черт влюбиться в кавказца...

Она с неожиданной для сотрапезников злостью грохнула кружкой о стол, порывисто встала и выбежала из кухни. Мужчины остолбенели и переглянулись. Им очень хотелось увидеть в этот миг Самада, посмотреть ему в глаза и спросить у него, что за чертовщина тут происходит и что вообще с Лимкой. Они не могли видеть, каким потерянным стало в долю секунды его лицо, – даже злость и раздражение с него исчезли, словно кто-то стер одним быстрым и уверенным движением.

– Она действительно это сказала? – ошарашенно спросил Иван у Виктора. Тот лишь пожал плечами – слов у него не было. – Офигеть. Самад, ты-то знал?

Самад один раз ударил трубочкой о стакан, что в их с Виктором условном языке означало утвердительный ответ.

– Да, – перевел Панов.

– Офигеть! – повторил Ваня.

Виктор лишь устало прикрыл глаза. Он, как и Профессор, знал Лимкину тайну, но не думал, что все настолько серьезно...

– И что с этим делать? – непонятно кого спросил парень.

Три стука о стакан. Вопросительный взгляд Ивана.

– Он не знает, – пояснил Виктор, вздохнул и поднялся. – Пойдем-ка мы отсюда, Вань, – ты домой, я на работу. Пусть эти двое сами решат, что там у них происходит, мы явно лишние на этом празднике жизни. Только кофе я заберу с собой.

Иван растерянно поднялся, допивая чашку.

– Лимка, закрой за нами дверь! – крикнул Виктор в квартиру. – Мы уходим. Я приеду вечером, после смены, привезу очередные замки.

Девушка, зареванная, с опухшими глазами, кое-как вышла из комнаты. Ее «бывший» не удержался и порывисто обнял подругу. Она снова разревелась ему в грудь.

– Я с тобой. Все будет хорошо, – шепнул он.

Со стороны Лиминой спины подошел Панов и тоже присоединился к объятиям. Иван даже не отодвинулся, когда его коснулись руки другого мужчины, – он понимал, как нужна сейчас Лиме поддержка.

– Спасибо, – прошептала девушка.

Телефон вырвал его из бирюзовых глубин сна, где он то ли плавал, то ли летал, будучи легким, ничем не скованным, свободным, – вырвал бесцеремонно, настойчиво трезвоня и трезвоня, не собираясь умолкать. Артур открыл глаза легко, почти без усилий, увидел прямо над собой белый потолок своего рабочего кабинета и тут же понял, почему так болят спина, шея и ноги: кушетка была удобной только для сидения, долго лежать на ней, а тем более спать такому крупному, габаритному мужчине было совсем не с руки. Он потянулся, взял трезвонящий аппарат, не сразу понял, чей номер светится у него на экране. Перевел взгляд на наручные часы. Начало восьмого утра. Выходит, проспал он всего минут сорок, не больше. «Черт! – выругался мужчина про себя. – И кому только я понадобился? Сволочи, совсем не дадут отдохнуть!» Он опять всю ночь проработал в лаборатории, загнал две смены помощников, *вернул* еще четверых – на этот раз максимально приближенно к исходному ритуалу, без использования голов – и хотел передрекать в кабинете пару-тройку часов, чтобы потом снова приняться за работу. Результаты требовались чем скорее, тем лучше, и ехать для отдыха домой попросту не имело смысла, только время на дорогу тратить.

Телефон начал проигрывать мелодию звонка в очередной раз, и мужчина наконец ответил на звонок.

– Артур Альбертович, это Свиридов беспокоит, – отчеканил смутно знакомый голос. Артур вспомнил: прикрытие, которое хорошо подкармливали его новые работодатели, один из их людей на высоких постах в милиции. Полковник, кажется, но это не точно...

– Слушаю Вас, Виталий Витальевич. – Артур сам себя удивил тем, что с первого раза вспомнил имя-отчество собеседника.

– У меня для Вас не очень хорошие новости.

Винс резко сел, сбросив ноги с кушетки, механически пригладил встопорщившиеся волосы. Сердце сжалось в предчувствии. Плохих новостей в последнее время было намного больше, чем хороших.

– Говорите.

– Этой ночью несколько Ваших – *наших*, – он выделил слово интонацией, чтобы не было никаких сомнений в том, о чем именно он говорит, – людей были задержаны по заявлению некой Олимпии Юрьевны Ворониной за незаконное проникновение в квартиру в ее отсутствие.

– Тааак... – протянул мужчина, уже понимая, к чему ведет его собеседник. – Наша девушка со странным именем...

– Слишком рьяные наши сотрудники из отделения, куда их доставили, успели раскопать ориентировки и выяснить, что их разыскивали по более ранним делам. Ну, и позвонить куда следовало. Хотя в нашем случае скорее не следовало. Словом, отреагировать вовремя мы не успели, так что парней забирают от нас, и ни я, ни еще кто-то из наших людей уже не в силах ни на что повлиять.

В голосе мужчины звучали одновременно и сожаление, и злость. Артур понимал Виталия: если бы его собственные подчиненные через его голову наделали такого, чего он не в силах был бы исправить, он бы злился не меньше, а, может быть, даже больше – кто знает. Но вот Свиридов в этом деле не рисковал головой, а Винс рисковал – в этом и была принципиальная разница. Так что и решение принимать предстояло тому, кто был больше заинтересован. Решение быстрое и максимально выгодное для него и для дела.

– Виталий Витальевич, – вкрадчиво начал блондин, – основную мысль я уловил. Спасибо Вам за оперативно доставленную информацию. Вы понимаете, что мы не должны допустить, чтобы птицы запели для тех ушей, которым их песни слышать совсем не нужно.

– Понимаю, – спокойно отозвался мужчина.

– Вы сможете организовать все так, чтобы для нас вопрос решился наилучшим образом?

– Разумеется.

– Тогда организуйте. Само собой, наша благодарность не заставит себя ждать.

– Мы все сделаем. Вам позвонят и доложат о результатах. Всего доброго!

– И Вам того же.

Винс поднялся и положил больше не нужный сейчас телефон на стол. В голове уже было на удивление ясно, и мысли побежали стройным рядом, как советские олимпийцы. Получается, в его гвардии минус пять человек. Это не очень хорошо. Но, с другой стороны, раз эти парни попались, не сумев выполнить простое до банальности задание, то, значит, и пожертвовать ими не страшно. Было бы хуже, если бы они завалили какое-то более ответственное дело. А Олимпию Воронину, которая уже торчала костью у него в горле, можно прижать и каким-то другим способом. Артур чувствовал, как злость и ненависть закипают в нем и поднимаются выше и выше, заполняя все его существо. Эта чертова девка точно что-то знала о голове Самада, в этом он с каждым днем уверялся все больше. А раз она знает, значит, надо додавить ее окончательно, по всем фронтам. И если Леднев не в состоянии этого сделать, он сам этим займется. А когда голова бывшего друга снова будет у него, эту мелкую дрянь можно будет отдать ребятам в качестве награды, они не откажутся. Впрочем, этим он займется потом. Сейчас нужно продолжать работу, ему совершенно необходимы новые бойцы.

Он поднял трубку внутреннего телефона.

– Подготовьте лабораторию к следующему опыту. И вызывайте первую смену, пока вторая отдыхает.

– Да, профессор Винс.

Улыбнувшись мыслям о том, как он заставит Самада в обеих ипостасях смотреть на развлечение бойцов с его девкой, Артур двинулся в буфетную, чтобы сварить себе кофе. Он был готов работать хоть еще сутки без перерыва, лишь бы поскорее сосредоточить всю власть управления проектом в одних руках – своих собственных.

Лима закрыла двери за друзьями на засов – он был на своем месте, куда Виктор в свое время его прикрепил, и ничуть не пострадал. Только ему могла она сейчас доверить свой сон

и покой. Когда парни ушли, на нее нахлынуло вдруг такое огромное, глубокое, необъятное одиночество, что, казалось, поглотит ее целиком, и не останется никакого, даже малейшего шанса выплыть, вырваться на волю, в привычный мир людей, образов, чувств. Она, все еще всхлипывающая и поминутно утирающая уже сухие щеки руками, прошла в ванную, зло сорвала с себя всю одежду и долго-долго стояла под обжигающим душем, намыливаясь и смывая пену, потом снова повторяя это простое и привычное действие. Усталость уходила, одиночество потихоньку отступало, не казалось уже таким всеобъемлющим, но на их место пришла внутренняя пустота. Лима понимала, что это закономерный результат того, что она не спала более суток, работала, нервничала, давала показания и получала осознания, но почему-то от этого было не легче. Помочь могло только одно: просто пойти и лечь спать. Но в комнате был Самад, видеть которого одновременно и хотелось, и не хотелось. И девушка тянула время, ожидая непонятно чего, лишь бы только не идти навстречу этому странному человеку, в которого, несмотря ни на что, ее все-таки угораздило влюбиться.

Самад проявился сам, нагло вторгшись в ее уединение. Снова материализовался на банкетке с тихим шорохом конфетных фантиков и легким порывом ветра. И у Лимы опять закружилась голова, как в самые первые дни их знакомства. Но она не испугалась – на это уже не было сил, вялое отупение завладело ею.

– Прекрати от меня прятаться! – заявил он.

– Ты не переоцениваешь свое значение? – парировала она. – Еще чего не хватало – прятаться от кого-то!

– Ты прячешься. – Профессор говорил почти спокойно, даже без язвительных ноток, и присмиревший акцент был едва слышен, став всего лишь небольшой особенностью произношения. – Хватит, выходи. Ты устала. Не хватало еще тут в обморок упасть.

– Не дождешься. – Но тон вышел вялым и неинтересным, это девушка и сама слышала. Было наивным ожидать, что таким интонациям поверит он.

Мужчина подкатил глаза, выражая крайнюю степень неодобрения.

– Лима, пожалуйста, выходи из душа и иди спать. Если ты не хочешь находиться со мной в одной комнате, – а я больше чем уверен, что так и есть, – то я могу перенестись на кухню или к себе в квартиру. Тебе обязательно нужно нормально поспать, слышишь?

Почему-то Лима только сейчас почувствовала и осознала, что стоит перед ним обнаженной. Это заставило ее покраснеть. Она потянулась за полотенцем, закуталась в него.

– С чего бы такая забота? – проворчала она, безуспешно пытаясь скрыть смущение.

Хаджи глубоко и громко вздохнул.

– Олимпия, ты прекрасно знаешь, с чего. Не пытайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле. Выходи. Я уйду. Только поспи, пожалуйста.

– Ладно. – Девушка уже стала на коврик и, глядя на себя в зеркало, приглаживала пальцами волосы. Пустота внутри оберегала ее от истерики.

– Выспись, а потом мы поговорим, – продолжил Самад. – Я все-таки настаиваю, чтобы ты на время куда-то переехала, для твоей же безопасности.

Лима обреченно вздохнула.

– Иди к черту, Хаджи. Не тебе рассказывать мне, что делать, – сказала она, и с каждым словом ее голос креп, становился громче и злее. – Еще несколько дней назад я бы стала тебя слушать и даже слушаться в некоторых ситуациях. Но ты сам дал мне понять, что этого делать не следует. – Она встретила в зеркале с его взглядом. – Так что даже тот факт, что я в тебя влюблена, не дает тебе власти надо мной. Я не послушная мусульманская девочка, которую нашел тебе папа.

– Ну и дура! – проревел человек-голова, резко покраснев. – Сама себя погубишь, идиотка! Шайтан с тобой, делай, что хочешь.

И исчез.

Лима оперлась о раковину, посмотрела на свое отражение в зеркале и увидела, как по лицу побежали быстрые крупные капли.

– К черту! – повторила она и позволила себе снова разрыдаться. – Никогда больше ни в кого не буду влюбляться!

Глава 24. Еще один поклонник

*...всякая женщина надоедает мужчине, если у него
её не пытаются отобрать.*

Ф. Искандер

– Алексей Леонидович, Вы просили позвонить, если у нас появится какая-то интересующая Вас информация.

– Я слушаю Вас.

Звонок от одного из «своих людей» в милиции застал Леднева в маленьком круглосуточном магазинчике, где он, повинуясь непонятному для себя порыву, выбирал цветы для Олимпиа Ворониной. Хотелось сделать девушке приятное, да и чувство вины за все, что произошло в ее жизни по его вине, точило сердце Алексея изнутри. Он не привык воевать с прекрасным полом и привыкать не собирался, считая это недостойным настоящего мужчины, и злился на себя за то, что позволил Винсу собой манипулировать.

«Есть новости? Все-таки есть? Ура!» – подумал он, указывая молоденькой продавщице на выбранные цветы, а сам прислушался к тому, о чем говорил его собеседник. История о том, что к Лиме опять вломились в поисках головы, не то чтобы удивила его, скорее озадачила. Его парни в этом точно замешаны не были, получается, что операция была проведена за его спиной. Что, Артур уже посылает на дело своих новых любимчиков, в обход начальника службы безопасности, без которого такие вещи даже не планируются? Очень интересно.

– Так что получается, сама голова в деле не фигурирует? – уточнил Алексей, наблюдая, как девушка за прилавком упаковывает букет в красивую бумагу.

– Нет, – подтвердил мужчина в трубке. – Голову так и не нашли. Допрос ничего не дал, все как один пели о том, что ни про какую голову ничего не знают. И внятно объяснить, зачем они ворвались в квартиру девушки, не смогли.

– А сама-то она как? – запоздало спохватился Леднев. Ему вдруг стало страшно: если это отморозки Винса, – а больше вроде бы и некому, – то неизвестно, что они вообще могли сделать с Олимпией.

– Точно не знаю, но про какие-либо увечья или травмы нигде нет никаких упоминаний. А что? Вы ее знаете? Она Вам кем-то приходится?

Леднев едва сдержался, чтобы не зарычать. Он был зол на себя: так открыться перед посторонним человеком!

– Нет, – ответил он как можно небрежнее, – мне интересно, что теперь будет с этими людьми. Если они ее покалечили, то срок им могут впать серьезный. А если просто взломали квартиру – тут и легким обойтись могут.

Собеседник хмыкнул:

– Не могут. Они проходят по более ранним уголовным делам, числятся в розыске как подозреваемые. А там на них много всего висит, так что попали они серьезно. Этой Ворониной за сознательность и помощь органам еще и благодарность надо выразить.

– Даже так?

Настолько «интимных» подробностей из жизни своих недавних учеников Леднев не знал, но не мог заставить себя почувствовать к ним жалость или сочувствие. Напротив, он даже немного злорадствовал по поводу фиаско очередной затеи Артура. Теперь, будучи уже уверенным, что тот строил планы не только за спиной Самада, но и за его собственной, мужчина не чувствовал уже никаких обязательств перед работодателем. Он теперь всерьез и уверенно выбрал сторону Хаджи, и голову собирался найти только лишь затем, чтобы самому попытаться разобраться, что происходит и зачем она нужна, если есть целое тело. Откуда она вообще взя-

лась и чем была, он старался даже не думать, слишком страшной для него, ярого материалиста, была эта тема.

– Хорошо, большое спасибо за информацию. Благодарность Вы получите по обычной схеме. В понедельник или вторник.

– Я Вас понял. Спасибо. Остаемся на связи.

Улыбчивая девушка с букетом в руках терпеливо ждала, пока он закончил беседу и убрал телефон в карман.

– Вот, возьмите, пожалуйста, – проворковала она, протягивая ему цветы. – Думаю, Вашей девушке понравится, долго простоит и будет радовать.

Алексей принял букет, отдал деньги:

– Спасибо. Сдачи не нужно.

Мужчина задумчиво кивнул в ответ на еще одну улыбку продавщицы, вышел из магазинчика. Мысли его были уже далеко. Эх, побеседовать бы с этими товарищами, выяснить, что именно приказал им Винс. Ну не просто же так он отправил к девушке пятерых здоровенных бугаев. Там бы и трое справились, судя по его собственному опыту, а если бы она была одна, без гостей, то и одного обычного мужика хватило бы. Что там той девушки – пальцем сломать можно. И потом, неужели же Артур думает, что после всего, что Олимпия уже успела пережить за эти три недели, она бы все еще хранила голову Самада у себя в квартире, если бы она у нее была? Что же он задумал, бывший его приятель? И что он собирается сделать с головой, когда получит ее?

Алексей подошел к уже знакомому подъезду, набрал номер на домофоне, застыл в ожидании. Олимпия не ждала его сегодня, но он надеялся, что она будет дома и найдет для него время. Для него общение с ней стало своего рода отдушиной. Почему-то рядом с девушкой было спокойно, хотелось проявлять только самые хорошие свои качества, ухаживать, оказывать маленькие приятные услуги и просто разговаривать о чем угодно. Ну и, конечно, очень хотелось загладить свою вину, хотя он плохо понимал, как можно нейтрализовать убийство ее парня. Домофон долго и противно пиликал, и когда мужчина уже решил, что ему сегодня не повезло, из динамика раздался неприятный щелчок, а потом знакомый голос в треске помех спросил:

– Кто там?

– Олимпия, это Леднев. Я могу войти?

Пауза в несколько секунд. Алексей просто стоял и ждал, и в голове было тихо и пусто, даже внутренний диалог встал на паузу.

– Заходи, – произнесла девушка с какой-то странной интонацией, домофон щелкнул на несколько тонов выше и запищал: дверь была открыта.

Мужчина дернул на себя тяжелую металлическую дверь, зашипел сквозь зубы, обжегшись о раскаленную на солнце ручку, шагнул в прохладу подъезда, казавшегося полутемным после яркости летнего дня, и подумал на ходу: «Что это с ней? Неужели Артуровы молодчики ее все-таки били? Я же им шеи сверну, и даже милицейские решетки их от меня не спасут!» Он предпочел не вспоминать о том, что несколько дней назад сам применял силу по отношению к Лиме. Ему хотелось забыть это, словно не с ним было, не в этой жизни.

К счастью, девушка оказалась цела и невредима. Тут же нашлась и причина ее непонятного произношения: он просто ее разбудил. Сонная, с беспорядком в волосах, поминутно зевающая, она пропустила его в двери и закрыла их за его спиной на засов. Леднев отметил, каким торопливым было ее движение и насколько спокойнее она стала после этого. Ее даже не смущало то, что она стояла перед чужим мужчиной практически раздетой, лишь в легкой летней шелковой пижамке, даже халат сверху не накинула.

– Проходи, – махнула она рукой Алексею, как старому знакомому, и неторопливо пошла в сторону кухни. – Сейчас попьем кофе, без кофе я не человек.

Он двинулся за ней, не придумав, когда можно вручить букет, чтобы это было уместно. Хорошо, что коридор был небольшим и быстро закончился, иначе он слишком засмотрелся бы на ее ладную фигурку и вообще забыл, зачем пришел. А зачем, кстати? Что за ерунда? Почему он так реагирует на эту девушку? Неужели это его насилие над ней сделало ее такой близкой и притягательной? Он что, под влиянием Винса тоже стал извращенцем? Или, может, дело лишь в том, что у него давно не было более-менее постоянных отношений с женщинами, тем более с такими молодыми?

– Ты будешь кофе, Лёш? – снова зевнув и прикрыв рот ладошкой, спросила Лима, и он замер в удивлении: она впервые назвала его уменьшительным именем. Специально? Или оговорила?

– Н-нет, – выдавил он. – Мне слишком поздно и жарко для кофе, мне бы холодненького чего-нибудь.

– Как знаешь. А я выпью. – Она легким движением вытащила из холодильника большой запотевший кувшин из толстого стекла, наполненный каким-то красноватым напитком. – Угощайся. Это ягодный морс. Стакан возьми в шкафчике.

Она занялась своим кофе, и Леднева наконец отпустило. Он протянул девушке букет.

– Возьми. Это тебе.

Удивленная, она широко распахнула глаза, прижала цветы к груди, понюхала. Замерла на несколько секунд, потом резко повернулась, чтобы поймать момент, когда нужно было снимать кофе с огня. Подарок она держала в левой руке, правой наливая пенящийся радугой на темно-коричневом напиток в чашку. Только потом снова повернулась к гостю.

– Спасибо. Но с чего бы вдруг такие знаки внимания?

Он пожал плечами.

– Просто захотелось сделать тебе приятное.

Она поставила чашку с кофе на стол, достала из шкафа вазу, набрала воды, опустила в нее цветы. Леднев сел за стол и налил себе морсу, сделал пару глотков, одобрительно замычал. Уютная обстановка девичьей кухоньки затягивала, хотелось сидеть тут и сидеть, смотреть на полуодетую девушку, вдыхать запахи ее духов, домашней еды, слушать обычные звуки любого дома – звон столовых приборов, шум воды в трубах, бормотание радио. Он так отвык от всего этого, так давно не был его частью, что даже собственная давняя семейная жизнь казалась чем-то нереальным, чем-то, что было не с ним, а с кем-то другим, в какой-то другой жизни. Но присутствие рядом с Олимпией определенно что-то затрагивало в его душе. Она находила маленькие, совсем забытые им островки тепла, чувствительности, желания, о которых он давно забыл – или убедил себя, что забыл.

– Олимпия! – позвал он.

– Ммм? – Она пила кофе небольшими глотками, сидя за столом напротив него.

– Иван уже звал тебя замуж?

Девушка едва не подавилась, закашлялась и в недоумении посмотрела на него.

– Что с тобой сегодня? – спросила она. – Ты как-то странно себя ведешь. Сперва неожиданный визит, цветы, теперь такие вопросы...

Алексей отпил из стакана. Сладковато-горькая ледяная влага бодрила, была приятной, оставляла на корне языка терпкое, дразнящее послевкусие, вызывающее желание сделать еще глоток. Он предпочел проигнорировать вопрос Олимпии и повторил свой.

– Ну правда, звал?

Она лишь покачала головой.

– Молодой дурак, – констатировал мужчина. – Любить такую девушку и не звать замуж. Не понимаю я эту молодежь.

Лима вздрогнула, отвела глаза, вздохнула. «Кажется, я наступил на большую мозоль», – подумал мужчина и хотел как-то загладить свою очередную оплошность, но она не дала ему продолжить, зацепившись за его слова и уводя разговор в другую сторону.

– Ну ты вроде тоже не старик, – сказала она. – Сколько тебе? Лет сорок? Больше?

– Меньше.

– Тем более.

Она пересела с чашкой к окну, открыла его, закурила. Ослепительное солнце сделало ее лицо и руку с сигаретой золотыми, сияющими, заиграло бликами на блестящей ткани ее пижамки. Леднев смотрел на ее черты, на гибкое тело под одеждой – и насмотреться не мог. «И на эту девушку я поднял руку? Нет, ну идиот идиотом! И ради чего! Ради кого!»

– А если бы он позвал, ты бы пошла? – прервал он свои нерадостные мысли.

Девушка выпустила дым в окно, стряхнула пепел, внимательно, чуть склонив голову набок, посмотрела на гостя.

– Ты упорно не отвечаешь на мои вопросы, – пожурела она. – И при этом бомбардируешь меня своими. Так не пойдет. Чего ты хочешь, Алексей?

– Жениться на тебе, – убив сам себя наповал такой наглостью, ляпнул Леднев.

Девушка не смогла справиться с лицом, брови взлетели, глаза стали больше раза в два, недокурная сигарета упала прямо ей на колено. Олимпия ойкнула, подхватила окурок, бросила в пепельницу, потеряла обожженный участок кожи ладошкой.

– Ты серьезно? – осторожно спросила она, подозревая, что спит, и этот странный, временами все еще пугающий ее мужчина ей просто снится.

Даже не дав себе времени подумать, Алексей кивнул.

– Вполне.

Олимпия закурила новую сигарету.

– Я отказываюсь даже пытаться понять тебя, – сказала она после пары затяжек. – Ты то пугаешь меня, то бьешь и грозишься применить пытки, то исповедуешься и просишь помощи, теперь вот цветы приносишь и предложение делаешь, несмотря на то что я почти гожусь тебе в дочери. Складывается впечатление, что вы с Артуром специально придумали такой страшный в своей непоследовательности план, чтобы свести меня с ума и заставить все-таки рассказать, где я прячу голову.

– А ты ее прячешь? – перехватил инициативу мужчина.

Она устало вздохнула и выпустила дым.

– А ты не видишь?

Алексей поднялся, подошел к ней, по ее примеру закурил, выпуская дым в открытое окно.

– А в квартире родителей?

– Очень смешно, – мрачно проговорила девушка. – Алексей, признайся, как ты себе представляешь эту картину? «Мама, папа, познакомьтесь, это голова Самада Магомедовича, она пока поживет у вас»?

Леднев, не удержавшись, приснул. Он не заметил, как напряглась его собеседница, скрывая замешательство за чашкой кофе. Он думал о том, с чего вдруг его дернуло за язык сделать ей такое неожиданное для обоих предложение. А правда, если бы она согласилась, как изменилась бы его жизнь? Каждый день на этой кухне, дышать этими ароматами, купаться в безмятежности и тепле, видеть Олимпию в этой пижамке и даже без нее... «Стоп! – беззвучно прикрикнул он на себя. – Не о том думаешь. Совсем не о том».

– Так где же этот бешеный американец? – произнес он вслух. – Где эта сумасшедшая голова? В квартире его нет, у тебя нет, город мы прошерстили...

Лима снова вздрогнула всем телом, и на ее коже выступили мурашки. Алексей не понимал, что вызвало у нее такую реакцию, но почувствовал, как его собственное тело отозва-

лось наконец на присутствие рядом полуодетой привлекательной девушки. Он торопливо смял недокуренную сигарету в пепельнице, отошел от Олимпии, сел за стол, плотнул еще морса. Хозяйка квартиры следила за ним с не меньшим недоумением, чем он до того за ней.

– Алексей? – Вопросительная интонация взрезала ухо своей требовательностью. – Что?

– Выходи за меня, – уверенно повторил он, – раз твой парень все равно не предлагает тебе постоянных отношений. Со временем ты привыкнешь ко мне. Я смогу защитить тебя, и уже никто не вломится, никто не обидит.

– Ты с ума сошел?! – Восклицание было таким искренним, что Леднев даже обиделся немного.

– Почему нет? Я слишком стар для тебя?

Она встала, закрыла окно, такая стройная, молодая, аппетитная... Он едва сдержал стон – нервы были на пределе. И как он только успел так завестись? Наваждение какое-то.

– Ты не знаешь меня, я не знаю тебя, – отрезала девушка.

– Это поправимо.

– И у нас большая разница в возрасте.

– Не страшно. Ты же сама сказала, я далеко не старик.

Олимпия наклонилась над столом, опираясь ладонями, и в приоткрывшемся вороте пижамной маечки он увидел ее крепкие, упругие груди с неожиданно темными напряженными сосками. Это стало последней каплей его самообладания. Он потянулся ей навстречу, сам еще понимая зачем – то ли обнимать, то ли целовать. А она неожиданно резко сказала:

– Леднев, какой замуж? Я другого люблю.

– Ну да, Иван, как я забыл? – процедил мужчина, сдавая назад.

– Нет, Иван тут ни при чем. – Лима и сама не понимала, почему решила рассказать все именно сейчас. Может быть, надеялась, что он разозлится и в ответ окончательно выложит на стол все карты, в том числе и спрятанные в рукаве? Кто знает? – С Иваном я вообще рассталась. Он играл роль моего бойфренда только для вас, да и то с вашей подачи. Вы сами себе это придумали, а мы лишь подыграли.

Возбуждение Алексея схлынуло так же стремительно, как и накатило. Его тренированный мозг мгновенно стал оценивать ситуацию с учетом новых данных.

– Так кто же твой парень? Кто живет с тобой? Чья зубная щетка и бритва в твоей ванной?

Лима, опомнившись, запахнула декольте, плюхнулась на стул, покраснела – то ли от смущения, то ли от злости.

– А угадай! Твои подчиненные так плотно за мной ходили, что должны это знать лучше меня!

– Да откуда мне знать?

Уголок ее рта дернулся в скептической ухмылке, и это словно сложило в голове Алексея картинку-мозаику.

– Твою мать! – ахнул он. – Голова все-таки у тебя? Это Самаду ты чистила зубы второй щеткой?

Девушка пожала плечами и потянулась к турке за еще одной порцией кофе.

– И где ты его прячешь?! – Мужчина стал озираться по сторонам, словно ища многострадальную голову. – Я все-таки был прав, ты замешана в этом деле?

– Замешана. – Лима не была уверена, что Алексей не сдаст ее Артуру или сам что-нибудь ей опять не сделает, но страха не было совсем, только удивление от этого ненормального, нездорового бесстрашия.

– Где он?

– Понятия не имею. Он перемещается сам, где его душевнечке угодно.

Мужчина застыл на месте.

– Подожди, как это – перемещается? Голова перемещается? – Он задумался, сложил в уме два и два. – Типа так же, как он вырвался из лаборатории и оказался на твоём газоне? Но как это возможно?

Лима скрестила на груди руки, перехватив его пристальный взгляд, направленный как раз в её декольте.

– Это долгая история.

Леднев хотел ещё что-то спросить, но телефон в нагрудном кармане требовательно зазвонил. Вибрация неприятно ударила по коже. Быстро, торопливо он выхватил настойчивый аппарат, взглянул на определитель номера и снова остолбенел, не веря глазам своим. Потом ответил на звонок почти нормальным голосом, и только девушка рядом с ним видела, как бьется жилка у него на виске.

– Да, Самад Магомедович.

Следом за ним застыла и Лима. «Который? Самад? Сэм?» – подумала она.

– Алексей, мне нужно с тобой поговорить. Срочно.

– Да, – повторил мужчина. – О чем? Где? Когда?

– Это касается моей головы. Срочно. На базе, в моем кабинете. – Пауза, вздох. – И Артуру об этом знать совсем не обязательно, ты понимаешь.

Ошарашенный, совершенно потерянный и сбитый с толку, Алексей тяжело опустился на стул, залпом выпил оставшийся в стакане уже просто прохладный, а не ледяной морс. Посмотрел на хозяйку квартиры, которая не сводила с него таких же растерянных глаз.

– Так ты отказываешь мне, потому что любишь Самада?

Взгляд убежал в сторону, потом вниз.

– Кого, Олимпия? Тело или голову?

Молчание. Вздох. Красноречивее любых слов.

– И как тебя только угораздило, девочка?

Она обхватила себя руками за плечи, словно ее морозило в жаркий летний день. Алексей поднялся, подошел, обнял ее, почти не удивившись тому, что ее кожа действительно была холодной. Подумал немного и поцеловал ее сзади в шею, у кромки волос. Она напряглась.

– Я даже злиться на тебя не могу, что ты все это время водила меня за нос, хотя, если по уму, дать бы тебе по голове за такие дела...

– Я ничего не должна была ни тебе, ни тем более Артуру. Я не обещала вам правды и сотрудничества.

Леднев промолчал. Парировать было нечем, она кругом права. Мужчина ослабил хватку, выпустил девушку из объятий, хоть и жалко было – ощущение ее тела под собственными руками ему понравилось. Он вздохнул.

– Ладно. Голова найдена, и на том спасибо. Если ты его любишь, это многое делает понятнее. Но я не выдам Артуру ни тебя, ни его. Сейчас я поеду и поговорю с «телом», он что-то знает и хочет рассказать мне. А ты не бойся ничего. Я буду охранять тебя. И больше в твою квартиру никто не ворвется, я обещаю. Ни как этой ночью, ни как в предыдущие. Под мою ответственность.

– Откуда ты знаешь про эту ночь? – вскинулась девушка.

– Знаю. Эти сволочи сядут надолго, будь уверена.

Лима снова вздрогнула всем телом, и Алексею безумно захотелось обнять ее еще раз.

– Чтоб они сдохли! – негромко, но искренне сказала она. – Вместе со своим чертовым Артуром.

После очередной ссоры с Лимой Самад в растрепанных чувствах умчался в свою квартиру, «проход» в которую он уже находил безошибочно по следу, тянущемуся от его «тела» – Сэма. Пристроившись на диване, он несколько минут приходил в себя, пытаясь сладить с пере-

полняющими его чувствами. Она опять умудрилась вывести его из себя своим глупым упрямством. Всего лишь в пику ему она была готова рисковать собой, своим здоровьем и, может быть, даже жизнью. Учитывая, что произошло прошлой ночью, кого именно прислали за его головой в этот раз, мужчина был абсолютно уверен в том, что теперь жизнь Лимы под угрозой. Парни Леднева – как и сам он, впрочем, – были наемниками, но у большинства из них имелись хоть какие-то тормоза. Максимум, на что они были способны, это ударить девушку и как следует ее напугать, но вот отморозки, которые ворвались в квартиру в этот раз, никакими тормозами не обладали. Самаду хватило одного взгляда, чтобы понять, что такое были эти парни. Похоже, после его смерти и *возвращения* у Артура окончательно поехала крыша, угрожая и чердак прихватить с собой, раз он стал класть на стол бандитов. Не борцов за свободу, не воинов, не защитников родной земли – просто бандитов. Такие и на изнасилование пойдут, и на пытки, и на убийство. Будь Самад собой в полном смысле, он бы никогда не позволил в своей лаборатории такого беспредела: в конце концов, во главе угла его теории было как раз понятие души, а у этих, с позволения сказать, людей, душа если и была, то такая черная, что ее даже дорогим пятновыводителем не отбелить.

– Что же ты творишь, друг дорогой? – вслух произнес Самад, и собственный голос, прозвучавший в тишине, заставил его вздрогнуть.

Здесь, в этой квартире, где он жил уже почти два года и которая, как оказалось, так и не стала ему домом даже временно, не было и сотой доли того уюта и покоя, которые в избытке присутствовали в «берлоге» Олимпии. Она бы, конечно, опять поспорила с ним, сказала, что у нее бардак и пылица, но он чувствовал именно так. Именно в ее маленькой квартирке он обрел наконец-то потерянное чувство того, что ты дома, там, где тебе самое место, где тебя любят, ждут, о тебе заботятся. И это было так приятно, так тепло, что он позволил себе погрузиться в это с головой. Он грустно улыбнулся, вспомнив, что сейчас больше ему и погружаться-то нечем.

Нельзя было этого делать. Он, взрослый, умный, опытный мужчина, потерял контроль и позволил себе слишком углубиться в жизнь этой молодой девочки, перевернул с ног на голову весь ее миропорядок. Конечно, в тот момент, когда он оказался на газоне, в незнакомом районе города, он и понятия не имел, что теперь делать, у кого просить помощи, приюта, да и Лима оказалась единственной, кто смог его увидеть. Другого выхода у него не было. Но нельзя было позволять этому заходить так далеко. Нужно было подумать головой (он опять не сдержал нервной усмешки) и держать дистанцию, не сближаться настолько, не позволять себе врать чувствами в эту девочку. И не дать ей возможности влюбиться в него. Но, Аллах свидетель, разве же мог он, недостойный, подумать, что она способна полюбить саму его сущность, его буйную, бестолковую голову? На это даже его изощренной фантазии не хватило, в ненормальности Лима превзошла его.

А теперь было уже поздно. Слишком хорошо он настроился на волну ее души и мыслей. Слишком тонко чувствовал изменения ее настроения, волнение ее ощущений. Слишком живым стал даже без тела, входя в резонанс с вибрациями всего ее существа. И оттого так больно было понимать, что именно он теперь значит для нее и на что она для него готова. Так нельзя! Ну нельзя! Не готов он брать на себя такую ответственность! Он не хочет так! Не хочет быть ответственным еще и за ее благополучие, за ее здоровье, ее жизнь.

Как может он хоть за что-то отвечать, если не способен контролировать собственное мятежное тело, которое разгуливает само по себе и творит что хочет, вне зависимости от того, что ему рекомендует он?!

И тут на волне очередного приступа ненависти к себе он потянулся к Сэму, по уже привычной ментальной дорожке, ощутил ответную волну тепла.

«Ты? Плохо?»

«Да».

«Лимка?»

«Она совсем меня не слушает и не слышит!»

«Ты сам виноват, зачем ты ее отталкиваешь?»

«А что ты предлагаешь? Лучше допустить, чтобы она еще больше влюбилась?»

«Что плохого-то? Девочка хорошая, красивая, добрая, очень заботливая... Чего тебе еще надо?»

«Ты что, предлагаешь мне – нам – завести с ней роман?!»

«Да что такого-то?»

«Она же потом с ума сойдет от горя!»

«Какое „потом“? Ты что, серьезно собираешься от нее отказаться?»

«Ты видишь, какой жизнью мы живем. Предлагаешь ее во все это втянуть? Это же не на день, не на неделю или год, это навсегда! Вырваться потом она не сможет!»

«Дорогой мой, очнись! Ты ее уже втянул. Она помогала тебе вспомнить. Она заботилась о тебе. И она, несмотря ни на что, так тебя и не сдала. И меня, кстати, тоже».

«Вот поэтому я и хочу не дать ей навредить себе!»

«Ага, именно поэтому терроризируешь ее. И после этого хочешь, чтобы она тебя слушала! Я тоже такой дурак, как и ты?»

«Ты – это я, так что не питай иллюзий».

«И что делать?»

Долгое молчание, потом насмешливое:

«Странно. Это же ты у нас голова, а совета спрашиваешь у меня».

«А ты тело, и тебя больше». – Кажется, ему удалось даже пошутить.

«Ну, тогда слушай и повинуйся. Как бы неприятно для меня это ни звучало, нам снова нужно слиться. И это жизненно необходимо сделать как можно быстрее».

«Ты понимаешь, что я не помню до конца все наработки? Много уже восстановил, но еще далеко не все. Я не уверен, что мне удастся провести ритуал правильно».

Сэм хмыкнул.

«Да, ты что-то совсем заикнулся на своих переживаниях и думать разучился... А записи тебе на что?»

«Какие записи?!»

«Те самые. Те, что мы спрятали в сейф, о существовании которого не знал даже Артур. Ну же, думай! Или вернись к Лиме, рядом с ней у тебя лучше память восстанавливается».

«Ладно».

Несколько секунд спустя он уже был на привычном месте – на холодильнике в кухне Лимы, но от удивления едва не свалился вниз. За столом, на том месте, где обычно располагался он, сидел Алексей Леднев, потягивал из запотевшего стакана ягодный морс, который девушка готовила вот уже несколько дней подряд, и говорил какие-то странные вещи. Предлагал ей выйти за него замуж. Совершенно выбитый из колеи, Самад замер на своем месте, ожидая, что подруга почувствует его присутствие, но она нависала над гостем и совершенно не обращала внимания ни на что вокруг. Хаджи вдруг понял, почувствовал, осознал – или как там можно еще назвать то, что произошло с ним, – что Леднев говорил раньше и говорит теперь сущую правду. Он не лгал о том, что не поддерживал больше планов Артура. Такого идиотского поворота Винс никогда и ни за что не придумал бы, значит, Алексей действительно на их стороне. Это же подтверждали и наблюдения Сэма.

«Сэм! – позвал он своего двойника. – Звони Ледневу, назначай встречу. Нам нужна его помощь. Будем сдавать голову Самада Хаджи».

«Я понял. Сейчас. – Секундная пауза, потом вполне ожидаемый вопрос: – Так ты вспомнил про сейф?»

«Пока нет. Но я буду думать. Вспомню. Сейчас важнее другое».

Самад бросил еще один взгляд вниз, едва сдержал злобное шипение, срывавшееся с губ. Леднев обнимал его девушку и целовал ее в шею.

«Мне нужно мое тело! – со злостью подумал мужчина. – И я его верну, чего бы мне это ни стоило».

Глава 25. Визитеры

Вы явно считаете меня гостем, которого надо развлекать всеми доступными способами. На самом же деле я отнюдь не гость. Я – необходимое зло, внезапно ворвавшееся в вашу жизнь, пусть и на пару дней.

С. Ларссон

– Мощности еще добавьте, – с раздражением бросил Артур. – Видите же, не дотягиваем до нормы. Так мы не добьемся ничего!

– Сейчас, Артур Альбертович, – покладисто отозвался мужской голос из-за спины. – Готово.

– Пробуем еще раз. Все на своих местах. Поехали!

Натужно загудела аппаратура, мужчина проверил показатели, дождался пиковой величины и снова стал читать с уже изрядно измятого листа формулу. Голос не слушался, срывался, держать нужный ритм было сложно. Ассистенты следили за своими зонами, краем глаза Артур заметил, как один из них усилил подачу эликсира через капельницу. Тело мужчины, лежащее на столе и привязанное к нему фиксирующими ремнями, пока не подавало никаких признаков жизни. И Артур, мысленно прикрикнув на себя, продолжил читать.

Гул, треск, звук его голоса, ритмичные звуки насосов – все слилось в странный, но удивительно органичный оркестр. Свет, много света окутывало его, рабочий стол с лежащим на нем обнаженным телом, стоящих рядом сотрудников, приборы, делая атмосферу фантастической, нереальной, просто невозможной – но она была. И Артур, несмотря на годы экспериментов, так и не смог до сих пор привыкнуть к этому действию, к ощущениям, которые испытывал в процессе, и к тому, что это работает. Не всегда так, как он планировал. Не всегда успешно. И даже просто работает не каждый раз. Но, тем не менее, что-то у него получается, и это просто сумасшедшее чувство – словно ты равен богам. Хотя... Может быть, это и была какая-то ступенечка на бесконечной дороге к превращению в бога?

Закончив читать формулу, едва не сорвав при этом голос, так как на концовке почему-то захотелось выдержать громкость и мощь, Артур почувствовал, как по его лицу бегут горячие ручьи. Судя по тому, какими густыми они были, это был не только пот.

– Наташа, – шепотом позвал он и обернулся к ассистентке. Та ахнула и быстро-быстро вытерла ему лицо, лоб, глаза и рот одноразовой салфеткой. С отстраненным любопытством мужчина посмотрел на ярко-алые разводы на белоснежной поверхности. Кровь, похоже, шла не только из носа, а еще и из глаз, иначе откуда этот странный оттенок зрения?

– Смотрите, смотрите! – услышал он срывающийся молодой голос рядом. – Кажется, получилось. Он шевелится!

– Наташа, глаза, – прошептал Артур, и женщина аккуратно протерла его веки, уголки глаз, ресницы. Смотреть стало приятнее.

– Пульс есть, – подал голос еще один из ассистентов. – Поздравляю.

– Рано, – отмахнулся Винс. – Следи за динамикой. Виталий, дай мне анализ регенерации. Что там у нас?

– Мозг – 85 процентов от запланированного и растет. Тело – 77 процентов, продолжает расти.

Лежащий на столе человек – уже можно было говорить о нем, не используя термины «материал» или «тело», – захрипел, выгнулся дугой, натянув держащие его ремни, застонал.

– Резкий скачок давления. – Бесстрастный голос слева. – Кажется, близок шок.

– Успокоительные, быстро. – Артур окинул стремительным взглядом показания приборов. – И обезболивание добавьте.

Шуршание, короткие скупые движения привычных к процедуре лаборантов. *Возвращенец* перестал вырываться, обмяк под ремнями, снова застонал, но уже тише, без надрыва, словно от усталости, а не боли.

– Что давление?

– Выравнивается. Сто семьдесят три на сто четыре.

Артур кивнул. Процесс пошел.

– Регенерация?

– Десяносто два процента мозг, восемьдесят девять тело.

– Отлично.

Это было действительно хорошо. Регенерация шла по плану, криз удалось поймать, шок сгладить. Похоже, этого парня они не потеряют. И то хлеб. Было бы обидно потратить без толку еще несколько часов.

– Добавьте питания внутривенно, – распорядился он. – Уже можно. И накройте его, будем сохранять тепло.

Пока приносили одеяло, по бригаде прошел легкий и стремительный, как порыв ветра, смешок: буквально через минуту после введения витаминно-минерального коктейля на глюкозе ожившее тело выдало редкую реакцию в виде мгновенной и очень стойкой эрекции. На памяти Артура это был то ли второй, то ли третий случай. И эрекция эта, признался себе Артур, у многих могла бы вызвать некоторую зависть.

– Накройте это безобразие, – с легким смешком повторил он. – Среди нас все-таки дамы.

Две упомянутые дамы переглянулись и обменялись легкими улыбками: хоть так атмосферу разрядили, а то шеф уже на людей кидаться стал.

Пока отслеживали и корректировали регенерацию, задавали *возвращенцу* контрольные вопросы и просто ждали, прошло еще полтора часа. В конце концов сошлись на том, что, кажется, на этот раз процесс *возвращения* удался. Профессор Винс дал команду перевести парня в больничный бокс, а самим привести в порядок рабочее место и отдыхать. На сегодня оставался еще один эксперимент, но уже ближе к ночи. Под благодарный шепоток он вышел из лабораторного зала и отправился в душ – смывать с себя запахи смерти. Он был очень горд собой и своей работой. «Вот так-то, Самад, и без тебя мы замечательно справляемся, – мысленно показал он язык бывшему приятелю. – Не такой уж ты и незаменимый!»

Вдоволь поплескаться ему не дали. Настойчивый стук в дверь и голос одного из охранников:

– Артур Альбертович, к Вам тут посетители, ломятся в главные ворота, говорят, что Вы их ждете.

Вполголоса выругавшись на смеси немецкого и английского, мужчина выключил воду, потянулся за полотенцем и громко спросил:

– Что за посетители? Кого там черти принесли? Они как-то представились?

Небольшое замешательство за дверью, потом ответ:

– Самченко Евгений Федорович с сопровождающими.

Полотенце упало на пол, Артур замер на несколько секунд и едва смог удержать прыгнувший вверх пульс. Самченко. Один из его новых «инвесторов» – тех самых, кто перекупил его, чтобы проект и все результаты исследований достались не Султанову с партнерами, злейшим врагам и конкурентам, а им. Ведь они отлично понимали, что такое проект «Универсальный солдат» – по сути, реальная и непререкаемая власть над миром, в самом прямом и неочищенном смысле. У кого есть возможность воскрешать мертвых, возвращать их к жизни, тот и будет этими самыми жизнями распоряжаться. Просто, как все гениальное.

Самое страшное на сегодня было лишь в том, что ни Самченко и его люди, ни Султанов не знали, что произошло с Самадом, и сообщать им этого пока нельзя было ни в коем случае. Они заявили прямо на базу, внаглую, и что теперь он мог сделать, чтобы прикрыть себя, Артур не знал. Не показывать же им этого клоуна, «тело» Хаджи? Хотя...

– Проверьте документы и пропустите. Пусть их проводят в переговорную. Чай-кофе и все такое. Предложите подождать меня, скажите правду – что я привожу себя в порядок после работы в лаборатории. Я подойду чуть позже.

– Хорошо, профессор. Принято.

Быстро вытершись и одевшись, Артур стремительным шагом, почти бегом двинулся к кабинету Самада. Он был уверен, что *возвращенец* по-прежнему висит там – тот даже ночевал теперь в кабинете на кушетке, упорно не желая ночевать в спальном блоке. Неожиданно он едва не налетел на собственного шефа службы безопасности, который с такой же скоростью мчался в противоположном направлении, навстречу ему.

– Алексей, куда тебя несет с такой скоростью? Ты меня едва не сбил! – воскликнул Артур, едва избежав столкновения. – Не пробовал вперед смотреть?

– Пробовал, – спокойным, холодным тоном ответил подчиненный. – Но тебя, Артур Альбертович, хрен завалишь даже из пушки, куда уж мне, грешному.

Блондин чуть снизил тон, повторив свой вопрос:

– Так куда мчишься? Срочное что-то?

– Парни доложили, что у нас гости. Сказали, ты разрешил пропустить после проверки документов, но ребятам они документы предъявлять отказываются, требуют кого-то из руководства. Я обязан проверить лично.

Артур сначала хотел было возмутиться насчет того, кто здесь руководство, потом сам себя осадил. В словах Алексея не было ничего крамольного. По сути, он являлся третьим лицом фирмы после него и Самада, так что вполне мог ответить на поступивший запрос. А что еще лучше, проверка документов в его исполнении была тем выстрелом, что убивал одновременно двух зайцев: и Самченко подержать у ворот, напомнив, что он тут все-таки не хозяин, и от самого Артура отвести громы и молнии, переведя их на Леднева.

– Отлично, займись. Я немного задержусь. Надо одно неотложное дело закончить.

– Не вопрос.

Алексей кивнул и побежал дальше. Артур двинулся по своему маршруту и уже не увидел, как расслабилось лицо подчиненного в выражении долгожданного облегчения.

«Тело» Самада Хаджи, известное Лиме под именем Сэма, отжималось на кулаках. Когда Артур вошел в кабинет, первым, что он увидел, была напряженная спина под льняной рубашкой и темный затылок, ритмично опускающиеся и поднимающиеся в паре шагов от двери.

– Самад, что ты делаешь?

– А ты сам не видишь?

– Вижу, потому и спрашиваю. Тебе больше нечем заняться?

– Нечем. Нужно быть в форме, раз ты меня все равно в город не отпускаешь. Я тут с ума сойду скоро.

– Тебе это не грозит. Ты и так не в своем уме.

– И кто, скажи мне, в этом виноват?

Артур не нашелся, что ответить. Этот *возвращенец* опять его бесил, даже больше, чем настоящий Самад раньше. Повисло молчание, которым тяготился разве что Винс, – его собеседник вернулся к своему занятию, и в кабинете раздавались только его свистящие вдохи и резкие выдохи. Наконец блондин произнес нейтральным тоном, прикладывая усилия, чтобы не показать свою личную заинтересованность:

– Самад, ты должен кое-что сделать.

– Должен? Разве? – скептически хмыкнув, уточнило «тело», продолжая отжиматься.

– Точно. Это нужно фирме, лаборатории, делу, наконец.

Брюнет поднял голову, в глаза его плясали чертики.

– Что нужно?

– Ты сделаешь?

Мужчина поднялся с пола, отряхнул кулаки, потянулся.

– Ты сначала скажи, о чем идет речь. Я гаданием не занимаюсь.

– Нужно создать присутствие Самада Хаджи в городе, но невозможность его приехать на базу прямо сейчас.

Артур непроизвольно сжался, таким пронзительным, глубоким, многообещающим взглядом окинул его приятель.

– Интересные задачки ты задаешь, профессор Винс, – медленно проговорил он. – И зачем мне это нужно?

– Это защитит проект. Мне нужно кое с кем поговорить, но они будут спрашивать тебя. Ты и сам понимаешь, что, если мы им действительно тебя покажем, разница будет очевидна. Проект окажется под угрозой.

Возвращенец прошел к столу, налил себе воды, залпом осушил стакан. Повернулся к Артуру, долго и внимательно смотрел на него, словно прикидывая, сколько может стоить его труп³, потом резко и холодно сказал:

– Что делать?

Воспрянувший духом Артур скороговоркой выпалил:

– Я позвоню тебе на мобильный, ты скажешь что-то типа, что работал в лаборатории с самого утра, устал, как собака, и хочешь отдохнуть, так что уже не приедешь, и чтобы я разобрался без тебя.

Самад снова пронзил его взглядом и уточнил:

– Это все?

– Да.

– Ладно. Я согласен.

– Договорились. Позвоню минут через десять, – кивнул блондин и торопливо вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. Что-то не нравилось ему в сегодняшнем недоСамеде. Что-то было не так. Об этом нужно было подумать, но уже потом, попозже. Сейчас были другие заботы.

Евгений Федорович Самченко с сопровождающими ждал Артура в переговорной. Перед каждым стояла чашка с чаем или кофе, на столе возвышался литровый пышущий паром чайник, прозрачная чаша от кофеварки, уже наполовину пустая, а также компанию им составляли вазочка с печеньем и еще одна – с фруктами. Пара бутылок минеральной воды дополняли картину. При виде хозяина гости поднялись и приветствовали его рукопожатиями. Пожимая протянутые крепкие руки, Артур не мог отделаться от мысли о том, как эти руки сомкнутся на его горле. «Успокойся, – осадил он себя. – Это только нервы. Ты все продумал, все получится. Ты сделаешь все так, как нужно».

После нескольких минут вежливой болтовни Самченко перешел к делу:

– Артур, мы просмотрели последний отчет и не очень довольны результатами Вашей работы. Ожидали, надо сказать, чего-то более существенного, масштабного.

Артур похолодел и подумал: «Вот оно. Началось». Однако ему, по годами сложившейся привычке, удалось сохранить лицо и ничем не выдать своего волнения.

³ В начале-середине 2000-х годов существовал юмористический интернет-тест «Сколько стоит ваш труп», Сэм ссылается на него, а не высчитывает реальную стоимость тела своего недруга.

– Евгений Федорович, я Вас понимаю, но мы делаем все возможное. Работа продолжается и днем, и ночью. Вы говорите, результаты должны быть, по Вашим ожиданиям, более впечатляющими, но тут очень сложно давать какие-то прогнозы. Человек предполагает, а Господь располагает. Понимаете, поле, на котором нам выпало играть, принадлежит не нам. И исследования, которые мы ведем, уникальны. Такого не делал еще никто. И даже тут мы уже кое-чего добились.

Самченко смотрел на него, не отрываясь, долгим, внимательным взглядом, и взгляд этот был похож на дуло пистолета.

– Вы посмотрели то видео, что я Вам прислал?

Оппонент молча кивнул.

– Вы опознали на нем своих людей?

Снова молчание и кивок.

– Тогда Вы понимаете, что определенные успехи у нас есть. И мы отрабатываем каждый цент из переведенных Вами денег.

Сидевший слева от Евгения Федоровича высокий худой мужчина с безобразным шрамом на виске и скуле, склонился к шефу и что-то сказал ему вполголоса. Тот что-то тихо ответил и обратился к Артуру:

– Мы можем увидеть результаты Вашей работы лично, вживую?

– Конечно, – не задумываясь, ответил Винс. – Вполне.

– Организуйте, пожалуйста.

Сделав глоток минеральной воды из своего стакана, блондин потянулся к внутреннему телефону, набрал несколько цифр и бросил:

– Соберите *возвращенцев* из последних партий в тренировочном зале. Минут через пятнадцать. – Подумал и добавил: – И пусть приведут себя в порядок.

– Принято.

Артур очень надеялся, что все пройдет как надо, поскольку некоторые из парней, возвращенных им, в последнее время неважно себя чувствовали и выдавали неадекватные реакции. Нужно было сохранять бдительность. И вмешаться, если что-то пойдет не так.

Оставшиеся минуты они обсуждали рабочие моменты, потом Артур, посмотрев на часы, сделал знак выдвигаться. Уже почти в дверях давешний мужчина со шрамом через голову Евгения Федоровича неожиданно спросил:

– Скажите, Артур, а почему Вы встречаете нас один? Где Ваш партнер? Вы же говорили, что вопрос с участием Самада Магомедовича в нашей работе решен. Что-то не так?

Артур почувствовал, что пальцы ног и рук похолодели, но ответить ему удалось на удивление спокойно:

– Нет, все в порядке. Просто Самад очень устал. Все-таки в лаборатории первое лицо он, и на него ложится большая часть исследований и опытов. Вы не предупредили, что приедете, так что он уехал в город, отдыхать и набираться сил, передоверив ночную работу мне.

– Нам все-таки хотелось бы с ним поговорить, – взял слово Самченко.

– Хорошо, – не стал спорить Винс, – мы сходим посмотреть на наши «результаты», и я позвоню Самаду, попрошу его приехать. Если вы согласны подождать, разумеется.

– Мы согласны, – за всех ответил покровитель.

«Орлы» собрались, как и было велено, в тренировочном зале. На сегодняшний день, за вычетом задержанных милицией, их было чуть больше двадцати человек. Большая их часть уже кое-что вспоминала, будучи возвращенными несколько дней назад, но были и совсем свежие. Те явно отличались от своих более «старых» коллег раскоординированностью движений и растерянным выражением лица. Артур внимательно оглядел всех и счел, что выглядят они вполне сносно. Прошел вдоль строя, проверил рефлексy, задал пару вопросов, чуя спиной,

как внимательно следят за ним гости. Потом отошел в сторону, сделав приглашающий жест Самченко – мол, прошу, смотрите, изучайте. Как ни странно, но первым к бойцам подошел мужчина со шрамом, и Артур запоздало вспомнил его – тот был у Евгения Федоровича чем-то вроде Леднева у них, только на более «продвинутом» уровне. Мужчина не стал церемониться и провел ряд неожиданных ударов, с первого взгляда совершенно хаотичных, но уже с третьего или четвертого Артур увидел в них систему. Блокировать выпады смогли только пятеро, остальные с нецензурными возгласами свалились на пол.

– Ну, по крайней мере, они не забыли, как материться, – спокойно прокомментировал покровитель. – Спасибо, Андрей, я увидел, что хотел.

Безопасник шагнул к боссу и стал рядом. Остальные сопровождающие с интересом наблюдали за с трудом поднимающимися бойцами.

– Я так понимаю, они еще не боеспособны? – Самченко вопросительно посмотрел на Винса. Тот кивнул.

– На восстановление памяти и телесных реакций, в том числе наученных, нужно некоторое время. Мой шеф безопасности работает с ними, тренирует, восстанавливает навыки...

– Неважно как-то восстанавливает, – попробовал прокомментировать его самченковский коллега, но Артур довольно резко прервал:

– Вы неправы. Алексей Леонидович опытный тренер, он не первый год работает, через него прошло много людей с разным уровнем подготовки, всех он поднимал на несколько ступеней вверх, и он отлично знает, что и как нужно делать. – Он смело посмотрел в глаза человека со шрамом. – Видели бы вы их всего пару дней назад, у вас было бы совсем иное мнение.

Понимая, что возможно никому не нужное столкновение, Евгений Федорович сделал знак своему подчиненному, не давая продолжить спор. Тот, не изменившись в лице, кивнул. Самченко подошел к поднявшимся парням, в строю которых уже раздался тихий ропот, с интересом осмотрел их и стал задавать каждому по паре-тройке вопросов. К удивлению Артура, они отвечали спокойно, без гонора и даже с некоторым почтением. «Что бы это значило? – спросил он себя. – Неужели они настолько ему преданы, что даже после смерти, не восстановив толком память, все равно помнят его? Как бы это узнать?» Впрочем, беседа не затянулась надолго, и скоро удовлетворенный покровитель, потирая руки, сам пошел прочь из зала. Остальные потянулись за ним. Винс сделал знак сотрудникам, чтобы уводили *возвращенцев* на отдых, и двинулся за гостями.

В переговорной, куда они вернулись, уже был обновлен стол. Добавились легкие закуски и алкогольные напитки, еще кофе и вода. Гости не отказались от угощения и отдали ему должное. На правах хозяина Винс должен был разделить с ними трапезу, но кусок не лез ему в горло, так что пришлось всего лишь создавать видимость еды. Наконец Самченко вспомнил о Самаде. Как подсчитал Артур, прошло уже намного больше, чем десять-пятнадцать минут, и его пронзило легкое беспокойство, не забыл ли уже этот непредсказуемый человек о его просьбе. И человек ли вообще? У Артура создавалось нехорошее ощущение, что производимые им *возвращенцы* – уже и не люди вовсе. Что они такое? Кто же знает! Разве что сам Самад...

Однако тот снова удивил – ответил на звонок почти сразу. Голос у него был «по роли» усталым и слегка ленивым.

– Артур? Что случилось? Зачем ты беспокоишь меня?

Винс держал трубку так, что речь Самада была хорошо слышна присутствующим. Интонации звучали по-настоящему, «по-самадовски», сложно было поверить, что этот шут гороховый все-таки проникся просьбой и решил подыграть бывшему приятелю.

– Самад, у нас гости. Те самые люди, о которых мы говорили. – Он окинул внимательно слушающих визитеров беглым взглядом. Кажется, они верили. – Им бы очень хотелось увидеться с тобой и поговорить по поводу исследований. Ты же большой специалист в этом, чем я.

На том конце выдержали эффектную паузу, потом послышался отчетливый зевок.

– Я так понимаю, они слушают, да, Артур?

– Да, слушают. – Винс снова пробежал глазами по слушателям.

– Господа, я очень рад приветствовать вас на нашей базе. Я уверен, что Артур или уже показал, или покажет вам, как мы живем и что делаем. И результаты наших трудов тоже. Я приношу свои извинения за то, что не смогу присутствовать, но вы должны меня понять. Я слишком много работал в последние сутки, и, боюсь, толку от меня мало: я просто засыпаю на ходу.

Он снова зевнул. Очень натурально. Но у Артура зародилось и окрепло подозрение, что его приятель все-таки играет на публику. Впрочем, не страшно, лишь бы публика поверила.

– Самад Магомедович, – подал голос Самченко. – Я очень рад Вас слышать. Извинения принимаются. Мы вполне довольны приемом, который оказал нам Артур Альбертович, и, в свою очередь, просим Вас простить нас за внезапное вторжение. Но уж очень интересны ваши результаты, ваш проект, мы просто не смогли удержаться. Извините, что побеспокоили Вас. Отдыхайте.

– Благодарю, – сказал Самад. – Приятного времяпрепровождения и до встречи!

И отключился, поганец.

Гости и хозяин переглянулись. Винс предложил выпить еще и не стесняться в выборе закусок.

В кабинете Самада Сэм, нажавший на сброс, убрал телефон от лица Самада, говорившего с Артуром и Самченко все это время, и переглянулся с сидящим на кушетке Ледневым.

– Кажется, все хорошо, – прокомментировал шеф безопасности. – Уж не знаю, что там говорил им Самад, но они поверили. – Улыбнулся и добавил: – Все.

Когда, спустя без малого четыре часа после приезда, визитеры наконец покинули территорию базы, Артур Винс с облегчением выдохнул. На какое-то время с этой стороны никаких неожиданностей ждать не приходилось. Самченко и его партнеры убедились в том, что работа идет, результаты есть, с деньгами никто скрываться не собирается, так что слишком прессовать его никто не будет. Теперь нужно разобраться с другой, противоборствующей стороной, дагестанской, и мужчина подозревал, что это будет несколько сложнее. С другой стороны, удалось же ему уговорить Самада поучаствовать в «прикрытии» – кто знает, может, и Султанова успокоить приятель сможет? Знать бы еще, как повлиять на это непредсказуемое и непонятное существо...

– Артур Альбертович! – Его потрогала за плечо девушка-лаборант, которая отвечала за контроль состояния свежих *возвращенцев*. – Артур Альбертович, у нас проблемы!

Миловидное личико было встревоженным.

– Что, Мила?

– Несколько *возвращенцев* впали в неконтролируемую агрессию, мы не можем никак их успокоить. Разносят помещение и дерутся друг с другом.

Девушка еще не успела закончить реплику, мужчина уже сорвался с места и помчался в направлении больничного блока.

– Вызвали охрану?!

– Да, разумеется. Алексей Леонидович прислал ребят и сам пришел. Они пытаются их утихомирить.

– Не переживай, сейчас посмотрим, что можно сделать. – На ходу он говорил какие-то дежурные слова, не очень вдумываясь в то, что именно говорит. Он спешил на место, спешил

увидеть, что именно происходит, и понять, что с этим теперь делать. И гораздо важнее было, что он сделал не так в процессе *возвращения*. Что опять не так-то??? Неужели без Самада они все-таки не справляются?? Ну что за чертовщина такая?

В блоке царил форменный дурдом. Койки и часть аппаратуры были разгромлены, осколки и разбросанные вещи на полу мешали пройти, приходилось аккуратно выбирать место, куда поставить ногу. Парням Леднева все-таки удалось кое-как скрутить взбесившихся *возвращенцев*, и теперь они лежали лицом вниз, с завернутыми назад руками, спутанными, как у коней ногами, и что-то рычали сквозь засунутые в рот кляпы. Их периодически придавливали, когда они делали слишком активные попытки подняться. Персонал, не скрывавший ужаса, жался к стенам.

– Что здесь происходит? – Ледяным тоном спросил Артур.

– Артур Альбертович, последняя и предпоследняя партия... Они все словно с ума сошли... Вы видите... – начал сбивчиво докладывать старший смены.

– Я вижу, – оборвал его Винс. – Я не об этом спрашивал. Почему сотрудники стоят у стеночки и ничего не делают?

Под его пристальным голубым взглядом, хранившим тепла не больше, чем январское небо, медики и лаборанты стали непроизвольно жаться друг к другу. Он уже не были уверены, кого бояться больше – неуправляемый «материал» или безжалостного шефа.

– Артур Альбертович, но мы...

– Я вижу, что «вы». Вызвали охрану – молодцы. Но вашу собственную работу никто не отменял. Материал – по койкам и закрепить. Остальных из последней и предпоследней партии – тоже. – Он уже успел отметить, что в «дебоше» участвовали далеко не все *возвращенные*, так что бардак мог перекинуться дальше. – И чем надежнее, тем лучше.

Отмершие сотрудники кинулись выполнять его поручение.

– Дальше. Вызовите уборщиков, тут нужно навести порядок. У всех без исключения взять кровь на анализ, посмотрите, что могло спровоцировать такую реакцию. Я жду результатов.

– А как вечерний опыт? Вы будете работать? – подал голос кто-то, и Артур покачал головой:

– Нет, на сегодня отменяем. Пока не поймем, в чем проблема с этими парнями, следующий опыт отложим.

Смотреть на работающих сотрудников было гораздо приятнее, чем на изображающих скульптурную группу.

– Алексей, – обратился он к шефу безопасности, – обеспечить охрану больничного блока, добавь еще людей. А сам подтянись ко мне, когда освободишься, – посмотрим записи с камер, я хочу понять, что тут было.

– Добро. – Леднев кивнул.

Артур вышел из больничного блока и размеренным шагом двинулся в свой кабинет, стараясь сохранять внешнее спокойствие. Это было непросто. Хотело выть в голос и рвать волосы – желательно не на себе, а на ком-то. Что же за чертовщина происходит с его работой? Ну почему эти чертовы *возвращенцы* не получают такими, какими должны бы получаться, исходя из его разработок? Или он все-таки что-то недопонял в выкладках Самада? Или Хаджи специально не все и не обо всем ему рассказал, припрятав в рукаве пару козырей? Или это все-таки совсем не его, Артура, вотчина, и стоило бы вернуться к своим любимым приборам, прикладной физике? Или, что вероятнее, нужно найти эту проклятую голову. Если она умудряется до сих пор от него скрываться, то, возможно, и с опытами сможет помочь. Если захочет, конечно.

Нужно сделать так, чтобы захотела.

И других зацепок, кроме Олимпии Ворониной, у них нет, хоть Леднев и уверяет, что она ни при чем.

А может быть, он тоже что-то знает?

Входя в свой кабинет, Артур уже знал, что будет делать дальше. Ни времени, ни желания чего-то ждать у него уже не было.

Глава 26. Захват издательства

Есть только одна форма жизни, более низкая, чем мужчина, избивающий женщину, и это – крыса, больная сифилисом.

С. Кинг

Самад снова куда-то запропастился. Сколько ни звала его Лима, вслух и мысленно, он не отзывался, не показывался, даже не ругался. Отчаявшись, она оставила это бессмысленное занятие и решила ради разнообразия заняться не его, а своими собственными делами, которых уже накопилось приличное количество. Нужно было и в квартире порядок навести, а то за мистикой, фантастикой, криминальным романом, романтикой и немножко эротикой ее ежедневных приключений все как-то было не до этого. Пора было заняться генеральной уборкой, разгрести углы, до которых все никак не доходили руки, облагородить многострадальную дверь, которой больше всех досталось в неравных битвах с постоянно врывающимися в квартиру людьми. К родителям тоже не мешало съездить, так что в воскресенье она выделила несколько часов на визит к ним. Оказалось, что ей это было необходимо. Просто посидеть с ними в комнате, пошутить с их гостями, которые, как всегда, присутствовали в довольно приличном количестве, слопать пару маминых «фирменных» блюд и лишь отмахнуться за ее заявление, что Лима неприлично похудела за последнее время, – все это словно вернуло ее в нормальную жизнь, где самой большой ее проблемой была нехватка постоянных кавалеров. Как далека была ее теперешняя жизнь от той, которой она жила еще только месяц назад... И как хотелось остаться подольше на этом островке безопасности и спокойствия!

Разумеется, это было невозможно. Лима прекрасно понимала, что дурдом, в который превратилась ее жизнь, просто так ее не отпустит, а значит, самое лучшее средство – раз и навсегда со всем разобраться и потом наконец вздохнуть спокойно и жить дальше. Очень не хотелось думать о том, что в худшем случае жить дальше не придется вовсе. Она прекрасно понимала теперь, куда именно впутал ее этот ненормальный дагестаноамериканец, видела более или менее четко свои и его шансы на выживание и победу, но думать предпочитала только о хорошем, потому что в противном случае хотелось пойти и повеситься, а это не было для нее характерно никогда. Она всегда верила в лучшее и идти предпочитала до конца.

Она не подозревала, что жизнь поймает ее на слове в очередной раз.

В том, что понедельник – день тяжелый, она убеждалась в последнее время с завидным постоянством. Не успела она прийти в офис, Антон Никитич, подозрительно осмотрев ее с головы до ног, сделал несколько едких замечаний по поводу ее внешнего вида, чего за ним отродясь не водилось. Ни разу за все годы работы Лима не обращала на себя внимания своей одеждой. Она всегда одевалась в одном и том же стиле, и к этому все давно привыкли. Почему начальник отдела вдруг заметил, что она не придерживается строгого делового стиля, и его что-то в этом не устроило, девушка не понимала.

Потом ее вызвал к себе шеф, с очередной сотней вопросов по перевозкам и оплатам долгов, и долго мариновал у себя в кабинете, так что сердобольная Ольга даже сочла необходимым вмешаться. Лима снова недоумевала, какие события этих выходных заставили руководство проявить к ней настолько нездоровое внимание.

Позже, погрузившись с головой в рутину, она снова была вынуждена решить кучу вопросов, требовавших немедленного вмешательства, и это было привычно, но совсем не легко. Все это время она затылком ощущала тяжелый взгляд начальника отдела. Он следил за ней, за тем, как она работает, что и кому говорит. Лима была уверена в своих действиях, но такой плотный контроль раздражал ее. Будто заняться больше нечем, кроме как за ней следить!

Неожиданно ей пришло на ум, что, вероятно, ее короткий междусобойчик с Сергеем мог стать достоянием гласности, только вот откуда? Сергей не из болтливых, он никогда не сдавал своих дам, если только они сами не распускали язык, она тоже никому, кроме Виктора, не рассказывала, а свечку им никто не держал. Кто мог? Покрутив мысли туда-сюда в беспокойной голове, она пришла к выводу, что, возможно, кто-то из тех менеджеров, что были с ними в клубе, мог кому-то что-то наплести по поводу ее теплых отношений с Сергеем на вечеринке и их совместного ухода. Другой вопрос, кому какое до этого дело? Пожав плечами, она дала себе обещание сохранять спокойствие и послать подальше любого, кто посмеет что-то на эту тему ей сказать. Личное оно на то и личное, чтобы оставаться вне широкого круга зрителей.

Внезапно она услышала в соседнем помещении какие-то непонятные шумы, которые привлекли ее внимание. Как будто кто-то упал или уронил большой и тяжелый предмет мебели. «Шкаф у них там свалился, что ли?» – спросила она себя и стала подниматься, чтобы пойти к коллегам, утолить свое любопытство. Антон Никитич, с неожиданной для его полной фигуры прытью, опередил ее, первым достигнув двери между двумя кабинетами. Не успел он открыть ее, как еще более громкий шум пронзил уши Лимы. Кто-то кричал, кто-то плакал, слышались звуки падения. Начальник отдела вскрикнул, подался назад в попытке закрыть дверь, но не успел. В дверь просунули ногу, потом этой ногой, по всей видимости, помогла пара сильных рук, и вот уже дверь открывали, едва не выламывали, и не привыкший к физическим нагрузкам мужчина ничего не смог противопоставить этому натиску. Сотрудницы вскочили со своих мест, пытаясь то ли бежать на помощь руководителю, то ли, напротив, спастись и прятаться. Лима застыла на месте и едва сдержала крик. В дверь стремительно входили один за другим двое крупных коротко стриженных мужиков в рабочих робах грузчиков, но выражения их лиц и автоматы в руках не оставляли места для наивных надежд на то, что это доставка канцтоваров, например. Окинув взглядом компанию, они почти синхронно махнули в их сторону оружием, и один скомандовал:

– Руки на виду и марш в соседний кабинет! Быстро!

Видя, что коллеги, включая начальника отдела, застыли в шоке, Лима сделала первый шаг к двери. Пожалуй, она единственная из всех понимала, что следует максимально точно выполнять приказы эти липовых грузчиков, иначе можно пострадать. Последние недели жизни с Самадом научили ее действовать в подобных ситуациях. Как ни странно, как ни страшно было это осознать, но она уже как-то привыкла к насилию, ее оно не выбивало из колеи так неожиданно и жутко, как ее нормальных коллег. И понимать это было тоже не самым приятным открытием о ней самой.

Все эти мысли пронеслись у девушки в голове за несколько секунд, что она шла к двери под дулами двух автоматов.

– Ну же, живей! – снова скомандовали захватчики, и сотрудницы издательства кое-как, под одной, пошли вслед за нею. Антон Никитич медленно, не сводя глаз с вооруженных мужчин, влился в общий ряд.

В соседнем кабинете, самом крупном из всех, что занимало издательство, служившем одновременно приемной и чем-то вроде колл-центра, было уже человек тридцать сотрудников и порядка десяти незнакомых крупных мужчин в робах. Они не были похожи друг на друга чертами лица, но что-то общее в них определено было. Манера держаться, рост, мимика, грубые манеры. И, конечно, оружие. Лиму почему-то этот момент зацепил больше всего. Автоматы. Посреди бела дня, практически в центре города. В мирном, совершенно безобидном издательстве, выпускающем газеты и журналы о кулинарии, женских секретах, здоровье, красоте, садоводстве и путешествиях. Да что здесь происходит, в конце-то концов? Кому они понадобились, чтобы присылать этих головорезов? Лима едва не упала, когда один из мужчин грубо схватил ее и толкнул к группе стоящих у окна женщин. Пришлось ухватиться за край подоконника и как-то выровнять положение тела.

– Что происходит? – дрожащим шепотом спросила ее одна из коллег. – Кто эти люди?

Лима только пожала плечами. Она не понимала. Страх, поднимавшийся все выше и выше, понемногу лишал ее способности мыслить здраво. Оставалась только паника, животный ужас, заглушивший все остальные эмоции. Она стала инстинктивно жаться к коллегам, таким же, ничего не понимающим, впадающим в ступор, словно лягушка, пойманная в плен гипнотическим взглядом змеи. Вместе было если не лучше, то, по крайней мере, естественнее – так всегда в минуту опасности и люди, и звери ищут спасения, поддержки в обществе себе подобных.

– Лимка, что это? – тихо, дрожащим шепотом спросила девушка-дизайнер, ровесница Лимы, совсем недавно пришедшая в издательство и еще не до конца обвыкшаяся в новом коллективе. – Кто эти люди?

Она практически дословно повторила то, что до нее уже спросила другая. Мысли у всех были одинаковыми.

– Тихо, Оль, тихо, – невпопад буркнула Лима. – Сейчас разберемся. Только не делай резких движений.

– Эй, тихо там! – накрыл их резкий мужской голос. – Хотите остаться в живых – не дергайтесь!

Покатившийся было по толпе ропот стих. Всем было страшно, никто не понимал, что происходит. Сотрудники издательства прижимались друг к другу и в ужасе смотрели на вооруженных людей, не веря в реальность происходящего. Открылась еще одна дверь, ведущая в то отделение, где располагался директорат, и двое вооруженных мужчин втолкнули в кабинет еще троих: Владимира, Ольгу и их секретаря. Женщины дрожали, не скрываясь, директор хотя бы пытался держать себя в руках. Именно он первым высказал вслух волнующий всех вопрос:

– Объясните, что здесь происходит! Кто вы такие и что вам нужно? Почему вы захватили меня и моих людей?

– Ты все сейчас узнаешь, дорогой, – лениво процедил один из людей в робах, с виду совершенно неотличимый от остальных русоволосый крепыш лет чуть за двадцать пять. Он кивнул своим людям, и несколько из них отогнали сотрудников издательства от окон и заняли их место, а еще один проверил, заперта ли входная дверь, и остался дежурить возле нее.

Владимир Валерьевич выразительно смотрел на вероятного предводителя нападавших, и Лима неожиданно для себя отметила, что гордится шефом. Ему было очень страшно, она видела это, но он не забывал, что именно он здесь главный, что все присутствующие зависят от него.

Наконец старший нападавших кашлянул, привлекая к себе внимание присутствующих, хоть это было излишне: все и так не сводили с него глаз.

– Значит, так. В вашем издательстве работает некая Олимпия Воронина, – начал он, и упомянутая похолодела еще больше, хотя ей казалось, что больше некуда, что еще немного – и она вообще превратится в ледяную глыбу и заодно заморозит все вокруг. – Мне нужна эта девушка.

Взгляды коллег сошлись на ней, и Лима почувствовала себя Хомой Брутом⁴, стоящим последнюю ночь у гроба панночки-ведьмы. Недобрыми, нездоровыми были эти взгляды, ничего хорошего они ей не сулили. Даже те, кто относился к ней хорошо, смотрели сейчас с осуждением, страхом и даже немножко с ненавистью. В сущности, их сложно было за это винить, но хотелось все-таки поддержки, ну хоть какой-нибудь... Она вздохнула, сжала кулаки и сделала шаг вперед. Человеческая масса расступилась на ее пути.

– Я Олимпия Воронина, – сказала она, глядя мужчине прямо в глаза. – Если вам нужна была я, можно было просто позвонить по телефону.

⁴ Главный персонаж повести Николая Гоголя «Вий» (1835г.), попавший в центр внимания сил тьмы.

– Умная, значит, – прокомментировал тот и двинулся навстречу ей. – Ну-ну...

– Вот эта девушка, – снова перетянул внимание на себя Владимир Валерьевич. – Что дальше? Вы будете о чем-то с ней говорить? Может быть, остальных вы отпустите?

Бригадир нападавших сделал в его сторону сучающий жест, словно отмахиваясь от жужжащей мухи.

– Подожди, мужик, все только начинается.

Сотрудники снова зашептались. Едва зародившаяся надежда умерла, не успев увидеть свет.

– У гражданки Ворониной есть то, что принадлежит моему работодателю, и мы хотим это вернуть.

Лима вздрогнула. Опять люди Артура? И где он их только таких берет? Опять снова-здорово с головой Самада? Да на кой черт черт она ему сдалась? Он правда верит в то, что этот ненормальный субъект может и, главное, хочет ему чем-то помочь?

«Ау, Самад! Тут опять хотят тебя. Ты слышишь?»

Тишина в ответ. Впрочем, ожидаемо. Хотя какая разница? Она уже давно приняла это решение: Самада она не сдаст ни за какие коврижки. Никому и никогда. Даже несмотря на его откровенно хамское поведение в последнее время. Не сдаст и точка.

– Лима, отдай им то, что они хотят, – вежливо, спокойно, как будто речь шла о какой-то пустяковой услуге, попросил Владимир Валерьевич. – Если это не твое, отдай им.

– Да, Лима, отдай, – с нехорошей улыбкой повторил-передразнил бандит. – Ты знаешь, о чем идет речь, так отдай уже. Сколько тебя просят по-хорошему, ты все никак не хочешь идти нам навстречу. Нельзя же так. Ты же понимаешь, что теперь, если ты не отдашь, будет по-плохому, правда?

Лима понимала. Она чуяла, к чему все идет, и мысленно взмолилась:

«Самад! Ну ответь же! Нам срочно нужна помощь Виктора! Нас же поубивают здесь! Самад!»

«Лима, я здесь. – Он все-таки соизволил отозваться. – Кто эти люди?»

«Слушай и смотри через меня, ты уже умеешь. И, ради бога, свяжись с Витькой через Сэма!»

«Сейчас. Я все сделаю. Только не паникуй!»

– Я не понимаю, о чем Вы говорите, – дрожащим голосом произнесла девушка. – Я впервые в жизни Вас вижу, и я уверена, что ничего Вашего у меня нет.

– Такая красивая и такая брехливая. Впрочем, как все бабы, – с откровенной злостью прокомментировал мужчина.

Кто-то из Лиминых коллег уже позволил себе комментарии погромче, наивно полагая, что, раз виновница захвата найдена, остальным уже ничто не угрожает. Парни в робах быстро вернули их на грешную землю, грубо окрикнув и добавив пару-тройку оплеух. Это на время утихомирило остальных и еще больше усилило страх Лимы. У нее появилось странно реалистичное ощущение, словно она погружалась в это страх, словно в холодную бездну, глубже слой за слоем, вниз, и конца-краю этому погружению не было.

– Слушай сюда, красотка, – снова обратился к ней бандит. – Ты отдашь нам то, что мы хотим получить, или мы будем по одному убивать твоих сослуживцев.

Лима ожидала этого. Боялась, но ждала. Иначе зачем бы им понадобились автоматы?

– Олимпия? – Владимир Валерьевич пронзил ее весьма недружелюбным взглядом. – Что такое Вы у них взяли? Наркотики?

– Да на кой черт мне наркотики?! – сначала воскликнула, а только потом успела подумать Лима.

– Тогда что?

– Я понятия не имею, чего хотят от меня эти люди!

– И опять она брешет, – прокомментировал бригадир нападавших и, подойдя вплотную, наотмашь ударил девушку по лицу. – Отдавай голову, тварь! Где ты ее спрятала?!

В кабинете воцарилась по-настоящему мертвая тишина. Ошарашенные коллеги только и могли, что смотреть на происходящее огромными глазами. Лима, едва не потерявшая сознание от боли, снова мысленно позвала:

«Самад! Ну что там у вас такое? Пусть Сэм уже позвонит Виктору! Или просто вызовите сюда милицию, анонимно. Только скорее, прошу тебя!»

«Лима, мы уже звонили. Виктор в пути. И Алексей с ребятами едут на подмогу».

«Алексей? Но как?»

«А вот так. Чему ты удивляешься? Разве не тебя он звал замуж?»

«Ты слышал?»

«Я там был! Только ты была слишком занята поцелуями, чтобы меня заметить!»

«Господи! Самад, ну до того ли мне сейчас?»

«Держись, помощь идет. Не нарывайся, прошу тебя. Будь сговорчивее, чуть покладистее, тише».

«Сговорчивее? Покладистее? Это как? Сдать им тебя?»

«Я не говорил такого».

«Вот и не говори».

– Где голова? Куда ты ее спрятала? – продолжал настаивать бандит, трясая ее за плечи.

– Да какая голова? Чего вы от меня хотите? Нет у меня ничего!

Мужчина еще раз тряхнул ее и резко толкнул. Девушка покатилась по полу и больно ударилась головой о ножку стола. Коллеги хором вздохнули и стали жаться друг к дружке еще сильнее. Кажется, кто-то заплакал.

– Упрямая, – прорычал бандит. – Шеф предупреждал. Ладно.

Он схватил из скопления людей кого-то наугад. Это оказалась молоденькая девочка-оператор, тоже из новеньких – Лима даже не помнила ее имени.

– Если ты не скажешь, где голова, я застрелю ее, – скучающим тоном сказал он.

Лима подумала, что у этого человека как-то странно быстро меняется настроение: только что был зол, как все демоны ада, а теперь совершенно бесстрастен, как статуя. Что это? Психическое отклонение или последствия *возвращения*? Она почему-то была уверена сейчас, что все эти парни – *возвращенцы*, как и те, что вломились чуть раньше в ее квартиру.

– Олимпия! – воскликнул на это раз Антон Никитич. – Отдай ты им эту голову. Я не знаю, что это такое и откуда взялось, но сделай, как они хотят. Они же убьют ее!

– Убьем, – все так же спокойно подтвердил бандит.

Лиму уже трясло так, что она даже не пыталась что-то сделать с этой дрожью. Погружение в пучины страха продолжалось. Мутило, обед едва удерживался в желудке. Она сжалась на полу и снова позвала Самада.

«Держись, – мгновенно отозвался он. – Я прошу тебя, держись!»

– Оставьте девушку в покое, – тихо попросила она. – Это ничего вам не даст. Я не понимаю, о какой голове идет речь. Я ничем не могу помочь.

– То есть ты решила принести девчонку в жертву?

– Да какую жертву? – Зубы Лимы стучали, тошноту сдерживать было все труднее. – У вас неверная информация. И на ее основании вы угрожаете мне и моим коллегам.

– Олимпия, да что ты за женщина такая?! – послышался голос Любви Семеновны. – Вляпалась куда-то, связалась с бандитами, а мы теперь за это расплачиваться должны?

Лиму захлестнула волна жгучего стыда. Соседка была права. Все из-за нее, из-за того, что она не смогла отказать в помощи Самаду. Если бы тогда она просто прошла мимо, ничего этого не было бы. Но как ей, простой девушке, решить теперь, кого отдать на растерзание, – беззащитную девочку, невиновную, не имеющую никакого отношения ко всей этой мутной

истории, или буйную, невыносимую, не совсем живую голову, такую же, по сути, беспомощную, нуждающуюся в поддержке? В конце концов, она никогда не любила кавказцев! Если она сейчас сдастся и вернёт Профессора на базу Артура, жуть в её жизни прекратится и всё снова станет как прежде: работа, дом, друзья... И никаких нападений, никаких уголовников, никакого насилия. И коллеги останутся живы и невредимы.

На какой-то неуловимый миг чаши весов заколебались, не в силах прийти в равновесие... Перед внутренним взором, как живая, возникла картинка: голова Самада в руках Артура, тяжелая рука бьет по родному горбоносому лицу, не скрывая переполняющей душу ненависти, а потом, пользуясь «пультом», Винс заставляет Сэма возвращать к жизни тысячи таких вот «парней в робах»...

«Нет! – подумала она. – Я не могу. Только не это. Нельзя так с Самадом. Со всеми нами – нельзя».

– Я ни в чем не виновата, – простонала она. – Нет у меня никакой головы! Оставьте девочку!

– Лгунья! – Крупная фигура Любви Семеновны с неожиданной ловкостью и быстротой кинулась к Лиме, девушка едва успела увернуться.

– Отдай им то, что они хотят! – провизжала женщина, схватив Лиму за голову и молотя ее пухленькими кулачками. – Отдай! Они всех нас убьют!

Один из бандитов стремительно подлетел к женщине, оторвал ее от девушки, с силой толкнул и короткой очередью прошел тучное тело наискосок, от макушки до левого бедра. Брызги крови разлетелись в стороны, часть попала Олимпии прямо на лицо, та не успела зажмуриться, и тошнота, которую до сих пор еще как-то удавалось сдерживать, наконец победила. Лиму вырвало прямо на пол рядом с телом погибшей коллеги. В кабинете поднялся вой и крик. Кто-то плакал. Кого-то, как только что Лиму, вырвало. Мужчины, как могли, пытались утешить и успокоить коллег, но по их позеленевшим лицам видно было, что они к подобным зрелищам тоже не привыкли.

— А ну умолкните! — рявкнул русоволосый бандит. — Иначе кто-то из вас будет следующим.

Это помогло, хоть и ненадолго. Шум и плач стал тише.

«Самад! — снова позвала Лима. — Ты видишь?»

«Я вижу, — после очень долгой паузы прогудел теплый бас. — Вижу, милая. Прости меня. И спасибо, что не выдала».

«Самад! Они убили ее!»

«Держись, прошу тебя! Виктор с коллегами уже едут».

«Самад, я...»

«Мы поговорим потом. Только выживи. Слышишь, Лима? Любой ценой, но выживи! Если надо, сама убивай, но вернись ко мне живой!»

— Так что, моя дорогая? Ты все еще будешь говорить, что ничего не знаешь и ни при чем? — издеваясь, проговорил бандит.

Лима только головой помотала, на другое сил у нее не было. Она не могла отвести взгляд от мертвого тела Любви Семеновны, ужасное зрелище необъяснимым образом привлекало ее, не отпускало. И до конца никак не верилось в то, что эта жизнерадостная, общительная, добрая женщина, не бывшая, впрочем, идеальной, как и любой из живущих людей, больше не выпьет с ней чашечку чая на перерыве, не отчитает ее за то, что она опять курит, не поинтересуется осторожно, как у нее дела на личном фронте. Даже безобразная выходка, ставшая причиной гибели женщины, не портила хороших воспоминаний о ней. И если бы Лима не впуталась в эту историю, Любовь Семеновна была бы сейчас жива. Как перенесут эту утрату ее дети, сын и дочь, уже взрослые, но все еще такие молодые, всего на пару-тройку лет младше самой Лимы? Как теперь смотреть им в глаза?

Бандит снова злился, его настроение опять поменялось. Коллеги роптали, плакали, тихо шептались, глядя на Олимпию, и показывали на нее пальцем.

— Отдайте им то, что они хотят, – повысил голос Владимир Валерьевич, его эхом поддержал Антон Никитич.

– Да нет у меня ничего, — обессиленно пробормотала девушка. – Оставьте меня в покое. Где мне взять то, чего у меня нет и никогда не было?

По ее лицу текли слезы страха и слабости, она не удерживала их. В голове уже рисовались страшные картины того, что еще эти отморозки могут придумать, чтобы она сдала им Самада.

– Слушай, дура, – рявкнул бандит, – мы же все равно тебя уломаем, ты же понимаешь. Если надо, всю эту компанию положим. – Он обвел рукой, держащей автомат, сбившихся в кучку людей, и они непроизвольно съежились еще больше. — Отдай голову!

– Отпустите людей, – едва слышно попросила Лима. – Они ни в чем не виноваты. И я ни в чем не виновата. Ну нет у меня никакой головы! – Она всхлипнула. – И вообще, как вы себе это представляете? Где я ее хранить должна? В холодильнике, рядом с котлетами и компотиком? Да и откуда бы мне ее взять? – Рыдания вырвались из ее груди. – И главное – зачем? Зачем мне нужна какая-то мертвая голова? Ну не на холодец же!

Мужики в робах громко и неприлично заржали – видимо, представили, как девушка варит из головы Самада холодец. Правда, девушка подозревала, что им не рассказали и половины правды, и они на самом деле плохо понимают, какую именно голову и зачем ищут.

– Тихо! – прикрикнул на своих русоволосый. – В общем, попалась нам юмористка-циркачка, шутить умеет... Ну и мы тоже пошутить не дураки, да, парни? – Те утвердительно закивали. – Давайте-ка эту шутницу в директорский кабинет, а с ней вот ее, – он указал на девушку-оператора, которую выбрал первой, – и вот этих тоже. – Он выбрал из толпы еще трех молоденьких девчонок. Лима обратила внимание, что именно самыми молодыми сотрудниками издательства бандит охотнее всего угрожал ей.

«Бойцы» сгребли девушек в кучу и погнали в указанном направлении. Главный схватил Лиму за руку, рывком поднял с пола и потащил за собой, брезгливо переступив через тело Любви Семеновны.

– Остальных держите под прицелом, – распорядился он. – Будут чудить – стреляйте. И обыщите всех на предмет спрятанных мобильных. Городские телефоны не работают, а про мобилки мы и не подумали. Связи быть не должно.

Глава 27. Мучители и жертвы

*В мире одна лишь вещь хуже насилия – это капитуляция перед
насилием.*

О. Амос

Олимпия уже не увидела, как обыскивали ее сослуживцев – ее бесцеремонно тащили по коридору. Впереди приглушенно плакали девушки, и она сама не могла удержать слезы. Чем дальше, тем больше ей казалось, что помощь не придет никогда. Их втолкнули в кабинет Владимира, девчат грубо кинули на маленьких диванчик в углу, и они сжались в кучку, словно стараясь стать как можно меньше и незаметнее, слиться с интерьером и, желательно, вообще исчезнуть отсюда, перенестись куда-нибудь подальше. Один бандит вернулся к остальным, главный остался с девушками в компании другого своего подчиненного.

– Ну, с кого начнем? – деловито спросил он Лиму. – Смотри, какие красивые глазки! А если я ей эти глазки выбью, она останется такой же красивой, а? Или нет, мы их вырежем и заставим вот эту черненькую их сожрать, как думаешь? Ты по-прежнему не знаешь, где голова? Считаешь, оно стоит того? Я же правда это сделаю.

Лиму едва не вырвало снова. Она не сомневалась в реальности угрозы – у этого урода вполне хватит ума и жестокости сотворить такое. «Черненькая», по всей видимости, не вдохновленная обещанной перспективой, удержаться не смогла, перегнулась через подлокотник дивана и оставила содержимое своего желудка на светлом линолеуме. Отвратительный кислый запах рвоты мгновенно распространился по небольшому кабинету.

– Ты это зря, сучка, – обратился бандит к девушке. – Я что теперь, должен всем этим дышать? Ты у меня сейчас это жрать будешь. А уже потом – глаза белобрысой.

Он подошел к брюнетке и сильно, с размаха ударил ее по лицу. Она отлетела назад, ударилась головой о стену, у которой стоял диванчик, и сползла по спинке, потеряв сознание.

– Видишь, какие они у вас тут хрупкие – еще ничего не делал, она уже поломалась, – посетовал мужчина. – А что будет, когда начну?

– Ну оставьте вы девочек, – еще раз попросила Лима. – Я ничего не могу вам отдать, потому что у меня ничего нет...

– Да заткнись ты! – рыкнул на нее русоволосый. – Это я уже слышал сто раз. Мне от тебя нужно место, где ты прячешь голову. И чем быстрее ты скажешь, тем больше твоих коллег останутся живыми и, может быть, даже здоровыми. Поняла?

Он схватил ее за подбородок жесткими пальцами, больно сжал. Девушка с ужасом ждала, что в любой момент ее челюсть затрещит, зажмурилась и поймала еще один удар по лицу – такой, что даже ранее нокаутировавший ее хук Леднева показался сейчас легким поглаживанием. Она застыла, не в силах справиться с этим животным ужасом, который накрыл ее с головой, подчинил себе все ее мышцы, нервы, связки. Она погрузилась в страх еще на пару уровней.

– Ты поняла меня? – повторил он.

Олимпия медленно кивнула.

– Ты будешь говорить?

Она снова зажмурилась.

«Когда же это кончится? – пронеслась отчаянная мысль в ее голове. – Они же на что угодно способны!»

«Лима, держись, – резонансом прилетел голос Самада. – Еще немного, прошу тебя!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.